

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ
г. Москва

Журнальный вариант романа
Окончание. Начало в № 5-6, 2026.

Вскоре обе машины направились в сторону песчаного карьера. Когда переехали мост через Беспуту, Кирилл пристроился за машиной Виктора Георгиевича. Дорога была грунтовая и наезженная. Проехав место недавней схватки с китайцами, обе машины направились дальше. У объявления «Сдаются участки» и сообщения о месте хорошей рыбалки свернули направо и выехали на раздолбанную грузовиками грунтовую дорогу. Вдоль неё тянулось бесконечное количество брошенных во время ковида китайских теплиц, сделанных из жердей осины и ясеня. На костяках этих строений кое-где болтались на ветру остатки полиэтилена, служившего вместо стекла для укрытия посадочного материала. Через каждые пятнадцать метров торчали трубы печей, которые обязаны были поддерживать нужную температуру.

На одном участке Прохор заметил, что печи дымятся и снуют китайцы, безучастно поглядывая на проезжающие машины. Внезапно Прохор подумал о том, какой же выживающей силой обладает эта нация, которая сумела за тридевять земель устроиться в России и при этом чувствовать себя собственниками.

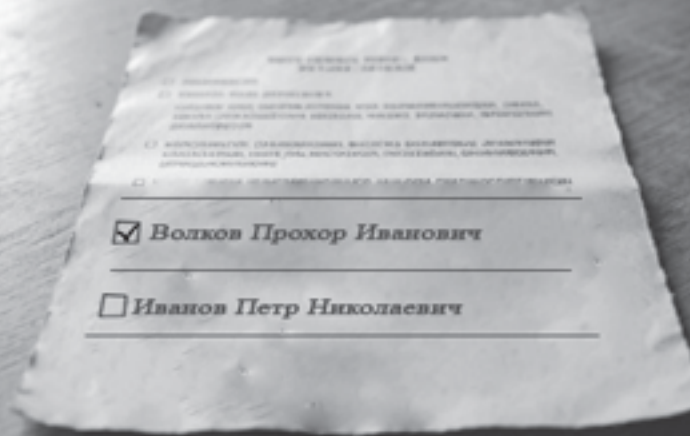
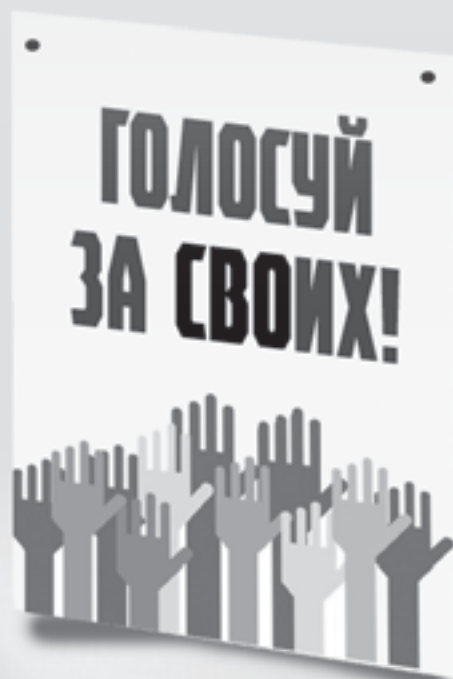
Он высказал эту мысль Виктору Георгиевичу и в ответ получил резкую отповедь:

— Прохор, ты здесь недавно, а я их за эти годы рассмотрелся. Китайцы гробят нашу землю, леса и реки. Беспута летом мелела, когда они насосами воду для парников качали. Им всё здесь «фиолетово»... «сверхнация»...

— А разве они не придают нам силы? Если бы не они, куда бы мы дели сегодня наши нефть, газ, оружие?

— Ты прав, но мы всегда слишком усерствуем. Говорят, в учебниках истории Поднебесной появилась карта Китая, куда вошли Монголия, Дальний Восток и Забайкалье. Недаром на Дальнем Востоке сейчас говорят: «Кому на Руси жить хорошо? Китайцам! За каждую русскую жену китайское правительство китайскому мужу даёт десять тысяч долларов».

ЭХО ПЛАЧУЩЕЙ ЗЕМЛИ

— Не верю, враньё это всё, хотя наши женщины действительно добры и дружелюбны к иностранцам. Конечно, китайцам это нравится.

— Я их за другое уважаю: что они чтят своего Мао. А мы перевозносим до небес того, кто руководит, и опускаем его же ниже плинтуса, когда от власти отстраняют.

— Ты Сталина имеешь в виду?

— Прежде всего Сталина.

В этот момент на слове «Сталин» неожиданно раздался мощный гудок идущей навстречу машины. КамАЗ летел, не снижая скорости, его трясло на впадинах, он дымил и не думал уступать дороге. «Приоре» и машине Кирилла срочно пришлось съехать на обочину. Огромный грузовик в сантиметрах проскочил мимо, обдав сидящих в кабинах людей едким выхлопным газом.

Проход выругался вслед проскочившему КамАЗу, добавил:

— ...Чё творит-то!

Дальше вдоль дороги пошла длинная вереница заброшенных теплиц. Некоторые из них были обгорелыми и чернели остовами, как ребра гигантских динозавров.

— Виктор, чья это земля? От кого китайцы получили такой подарок? — наконец спросил Проход. Они ещё раньше перешли на «ты», а сейчас, после собрания, Виктор Георгиевич, несмотря на потерянные станки, испытывал к Проходу очень тёплое, почти отцовское чувство.

— Эта земля принадлежит Батуриной, жене мэра Москвы Лужкова, — ответил Виктор. — Не знаю, читал ты или нет, но, согласно данным рейтинга «Forbes», она является самой богатой женщиной России, её состояние оценивается в один миллиард долларов.

— Разве она не убежала? Всё ещё в России проживает?

— Куда там, у неё по всему миру особняки...

— А в России? — уточнил Проход.

— Слышал, что и в России есть недвижимость. Её здесь в области пощипали, местные старожилы сумели отгрызть какие-то участки. Кстати, тот, который получил товарищество «ЗАРЯ», — это один из тех, что отсудил Долматов. Этот участок получила его мать, когда разваливался колхоз «Красный Октябрь». Тогда около тридцати тысяч совхозов и колхозов прекратили своё существование.

Богатели единицы, а тысячи колхозов как кур под нож пустили. Сотни гектаров земли погибло и заросло без ухода. Люди на улицу были выброшены. У нас какой совхоз-миллионер под руководством Гаспаряна был в Тараскове, так и его постепенно разграбили. С тех пор, — заключил Виктор, — ни одного нормального руководителя в посёлке не было. Всё время блатные из округа.

— А чего тебя не выбрали? — неожиданно спросил Проход.

— Меня? Нет, дальше старосты меня не пустят. Там нужны большие деньги. Получают их свои — прирученные и послушные. Да и поздно мне — возраст, на главу администрации молодых выдвигать нужно вроде тебя. Многие тогда при развале колхозов компенсацию землёй получили, а удержать не сумели.

В итоге эти земли оказались на вторичном рынке. Тут, видимо, и подвизался кто-то из батуриных юристов. Был слух, что устроили проверку исполнения водного и земельного законодательства. <...> Нашли повод: участки, находящиеся в собственности физических лиц, ограничивали свободный доступ к водному объекту неопределённому кругу лиц. В связи с этим природоохранный прокурор обратился в суд с исковыми заявлениями о признании отсутствующим права собственности на части девяти земельных участков, расположенных в береговой полосе. Иски полностью удовлетворили, и свыше семидесяти тысяч квадратных метров береговой полосы водного объекта освободили. В какой-то момент их приобрела структура под названием ТГ «Сетунь» — говорят, это структура, принадлежащая компании «Интеко», которой владеет Елена Батурина.

— Семьдесят тысяч квадратных метров! Сколько же это стоит, Виктор?

— Много. Земельные участки не уступают по популярности готовым домам. Крупные участки, по десять соток, по рыночной цене стоят до тридцати тысяч. Так это — по рыночной. Елене повезло, она пятьдесят соток у Кудрявцевой за 1,1 миллиона рублей купила, а другие за миллион двадцать соток продают. Вот и посчитай, сколько стоит семьдесят тысяч квадратных метров. У нас таких денег никогда не будет.

Думаю, что и песчаный карьер захватил барыга из той группировки. Он долго подбирался к этому

бизнесу, его закрывали, но в конце концов получил в аренду большой участок возле Оки.

Вскоре на горизонте показались большие, серого цвета хозблоки и бытовки-вагончики, обнесённые длинным, уходящим вдаль металлическим забором коричневого цвета. Слева за забором возвышались горы верхнего слоя земли, безжалостно срезанного, чтобы добраться до песчаных пластов. По центру находилась площадка с припаркованными легковыми автомобилями, за ней был широкий вход со шлагбаумом.

Обе машины остановились на площадке, и вся группа во главе с Прохором двинулась ко входу. Около шлагбаума навстречу им вышел охранник — крупный бородатый мужчина, по виду — качок. Мышцы у мужика выпирали из-под футболки, как большие морские раковины, на шее была закреплена портативная рация с гарнитурой, а мобильный телефон в огромной ладони казался игрушечным.

— С чем пожаловали, господа? Вы предупреждали о приезде? — вежливо спросил качок.

Прохор подошёл ближе и спокойно сообщил:

— Мы — делегация из соседней деревни Кремнёвки. По поводу нашего приезда вашему шефу звонил первый заместитель Каширского округа Евгений Сидорович Тартаров.

— У Ивана Петровича сейчас много народа, и вряд ли он вас примет, ему надо срочно ехать в Москву.

— А вы сообщите, что мы здесь. Мы его долго не задержим. Вопрос касается его деятельности, и от него будет зависеть, как она в дальнейшем сложится.

— Вы как-то опасно разговариваете, на фронте так научились? Или ордена такую смелость придают? — съязвил качок.

— Если бы вы были на фронте, то не тянули бы kota за хвост. Даже самый необыкновенный человек должен выполнять свои обыкновенные обязанности. Позвоните шефу и скажите, что мы хотим его видеть, — сказал Прохор.

Охранник отошёл в сторону и о чём-то долго говорил по рации. Наконец он вернулся и довольно вежливо сообщил:

— Ждите, за вами придут.

Минут через пять появилась молодая, небольшого роста женщина в обтягивающем спортив-

ном костюме, дорогих кроссовках, с приятной улыбкой на кругленьком личике.

— Здравствуйте, — обратилась она ко всем. — Фёдор, чего ты держишь людей? Пропускай, Иван Петрович ждёт их.

Охранник Фёдор поднял шлагбаум, и делегация из Кремнёвки последовала за девушкой, по-видимому, секретаршей Ивана Петровича. Она провела их в большой хозблок, в конце которого была дверь, обитая дерматином.

— Одну секунду, — сказала она и нырнула за дверь.

На мужчин пахнуло табачным дымом. Вскоре из кабинета потянулись на выход человек пять работников, на ходу они продолжали что-то обсуждать.

Девушка выглянула из-за двери и, махнув рукой, пригласила Прохора и Виктора войти.

Большой кабинет, до предела обкуранный, был обставлен дорогой мебелью. В длинном шкафу — спортивные кубки, виднелись и бутылки из бара. Сам хозяин был худощавый человек с седой, на пробор зачесанной шевелюрой. На нем была куртка, но с цветным галстуком. Он вышел из-за большого стола, уставленного пепельницами с окурками, и крепким рукопожатием стал приветствовать посетителей.

— Присаживайтесь, — заговорил он учтивым, но встревоженным голосом. — Соня, убери, пожалуйста, пепельницы. Если кто-нибудь курит, здесь есть моя персональная — из Болгарии. — Он поставил на стол небольшую ракушку с перламутровым отливом и сообщил: — Эта раковина — морской ангел, говорят, что моллюск, сделавший её, избавляет мир от чертей. Охранник передал мне, что вы от Тартарова. Я ему позвонил. Оказывается, он из вашей делегации знает только одного человека по фамилии Волков. Кто из вас Волков?

— Я, Иван Петрович. — Прохор понял: Тартаров догадался, что надо поддержать делегацию кремнёвцев, и это предположение сразу придало ему смелости.

— Я пригласил моих товарищей, чтобы вы знали: есть люди, готовые помочь подготовить дорогу к асфальтированию.

— Это очень хорошо, — обрадовался Иван Петрович. — Я свою дорогу прошёл, мои люди под-

бросили две машины шебёнки. Теперь дело за вами, надеюсь, что на этот раз дорога устоит.

— Нет, уважаемый Иван Петрович, дорога не устоит, и вы это прекрасно знаете. Через два месяца она снова поползёт, там есть грунтовые воды, которые так до сих пор и не откачали. Поэтому вам с нами надо принять радикальное решение, — заключил Прохор.

— Радикальное решение? Это какое же?..

— Ездить в обход. Иначе у вас будут большие неприятности, — уверенно сказал Прохор.

— Вы фронтные навыки хотите перенести в строительную отрасль? — улыбнулся Иван Петрович. — Мы же не враги, чтобы создавать друг другу неприятности. Мы — организация, ведущая большую государственную работу, у нас уникальный песок, модуль крупности которого от 1,5 до 2,5 миллиметра, он — однородный и округленный — подходящий прежде всего к фундаментам любого строительства. Наша организация работает с десятками объектов. Мы не имеем права терять темп доставки песка.

— Почему вы нарушили договорённость с Каширским округом и стали снова возить песок через мост на Беспуте? — неожиданно резко встрял Виктор Георгиевич. — Вам же поставили знаки «ограничение массы», но ваши люди убрали эти знаки. На каком основании вы это сделали? Товарищ Волков прав: через два месяца вы снова добьёте дорогу, и вся работа «АсфальтСтроя» пойдёт коту под хвост.

Услышав такой поток обвинений, хозяин кабинета даже растерялся.

— Простите, а вы кто — тоже участник специальной военной операции? — удивился Иван Петрович.

— Я староста деревни Кремнёвка. У нас было общее собрание, были представители Каширского округа, народ требует запретить гонять ваши самосвалы по нашей территории. По этой раздолбанной дороге у нас отличить пьяного водителя от водителя, объезжающего ямы, практически невозможно. Народ до предела возмущён, сделали наконец дорогу, а через два месяца она стала крошиться и ямы по всему тракту.

— А я люблю вашу Кремнёвку, и народ у вас симпатичный, — стал уводить разговор хозяин кабинета, — там есть подъём в гору, к деревне. Я,

когда лыжным спортом занимался, часто приезжал к вам потренироваться. Вы хлопчете о дороге, это хорошо, но учтите, есть народная примета: если ударными темпами начали ремонтировать дороги, то это к скорым выборам. Уверен, вы опять выберете какую-нибудь очередную Шарикову.

— Шариковой давно нету, сейчас Королькова, правда, и она ни рыба ни мясо, — уточнил Виктор Георгиевич.

— Знаю, я с вашей Корольковой общался. У вас в Тараскове когда-то был лечебно-трудовой профилакторий. Я хотел на базе сохранившегося здания ЛТП построить нормальный, не относящийся к пенитенциарным заведениям профилакторий. Так она — мне: «У нас теперь пьяниц нет». Врёт и не краснеет.

Я её спрашиваю: «А у вас люди болеют? Тарасково — известное место, здесь усадьбой владел младший сын Льва Толстого — Михаил, он был женат на Глебовой, урождённой Трубецкой. У вас церковь, отремонтированная Толстыми — Глебовыми, в ней бывал Лев Толстой, можно сказать, историческое место. Последний из Глебовых, народный артист СССР Пётр Глебов — Григорий Мелихов в «Тихом Доне», — гордость кинематографа, а у вас ни аптеки нет, ни поликлиники.

Давайте, говорю ей, построим не больницу, а профилакторий, где можно будет сделать рентген, УЗИ, открыть солярий, диетстоловую, физкультурную площадку, зимой — лыжи. Я мастер спорта по лыжным гонкам, жена у меня детский врач. Можно полезное для посёлка лечебное заведение сделать, все расходы я беру на себя. Так она — мне: не положено, начальство против.

— Всё это, Иван Петрович, интересно: и то, что вы хотите профилакторий построить, и то, что вы мастер спорта по лыжам, — это видно по кубкам, которые у вас на полке, — указал рукой Прохор в сторону шкафа. — Но этим же людям, о ком вы хлопчете, нужна нормальная дорога, а не ухабы и рытвины, где действительно не отличишь пьяного водителя от несчастного. Вам и округ дал установку сменить маршрут. Мы приехали такой делегацией просить вас не разрушать дорогу, а отнестись нормально, по-человечески.

Иван Петрович как-то по-мальчишески сложил голову под левую руку и, закулив, молчал.

— Товарищи, причина возвращения к этому маршруту, — начал он через минуту, — очень простая, мы стали срывать график работы. Мы обслуживаем строительство метро, у меня на голове — мэр Москвы Собянин, которому заместители Преснов и Слободчиков каждый день докладывают, как продвигается строительство. Если я буду срывать график, меня могут заменить. Поймите, это ведь бизнес, это не доставка воды с Марса.

— Мы, Иван Петрович, тоже не сидели без дела, — загудел басом Кирилл, — мы обратились по этому вопросу к заместителю прокурора города Москвы Монахову Валерию Юрьевичу. Знаете такого?

Хозяин кабинета сделал непонятную гримасу и развернулся в сторону Кирилла.

— Так вот, Монахов нас поддержал. Он категорически против использования этого маршрута. Он сообщил, что за нарушение приемлемого тоннажа моста через Беспуту последует штраф по 7500 рублей за езду. У вас их более двадцати в день, посчитайте, сколько вам придётся платить!..

— Я думал, вы приехали поговорить по душам, а вы мне страх продаёте, — недовольно пробубнил Иван Петрович.

— А мы и по душам хотим поговорить, — вклинился Прохор. — Нашей бригаде, к примеру, трактор нужен. Мы обязались помочь кремнёвцам подготовить дорогу к асфальтированию, с трактором мы бы в два дня эту работу сделали.

— К сожалению, у меня только экскаваторы и бульдозеры. Всё — под завязку, еле успеваем. Трактор — один, да и тот барахлит, до сих пор не отремонтировали.

— Отремонтируем! — с вызовом заявил Прохор. — Я на СВО десятки танков в строй поставил, с трактором, надеюсь, разберусь.

— Давайте так, друзья мои, я свяжусь с мэрией, — примирительно заговорил Иван Петрович, — попрошу поискать возможность в силу сложившейся ситуации сменить график, и, если всё получится, мы тогда договоримся.

— Когда? — уточнил Прохор.

— Как только вы отремонтируете трактор. Без него же вы не начнёте работать. К этому времени мы придём к общему знаменателю. Договорились?

Хозяин кабинета погасил сигарету и стал прощаться.

— А где ваш трактор, можно на него взглянуть? — напомнил Прохор.

— Сейчас я попрошу секретаря проводить вас к месту, где он, как крейсер «Аврора», прикован «к вечной стоянке», — ответил Иван Петрович.

— У него ковш есть? — поинтересовался Прохор.

— Есть, это «ДФ-244», колёсный, полного привода трактор. Мне его из Красноярского края, из Мотыгина привезли. Хороший трактор, но встал как вкопанный. Никто из моих не может отремонтировать.

— Сделаем, — уверенно заявил Прохор, — только и вы держите слово, а то мы вашим машинам таких рогаток наставим, что весь график полетит.

— Ну, вы и вымогатели. Представляю, что будет, когда все ваши с СВО вернутся. Чёрт-те что будет, всех под козырёк поставите. Да, может быть, и верно, такая хрюканина завелась, что без порки порядка не будет.

Когда все уже были в дверях, Иван Петрович окликнул Прохора. Достав из шкафа бутылку виски, сказал:

— Угостите ребят. Видно, воевали без дураков. У этого бородатого что-то с ногами, да и вам, вижу, досталось, — он указал на руку Прохора. — Где хоть воевали?

— Мы все Авдеевку брали — группировка «Центр», но из разных бригад, познакомились в Богучаре, в госпитале. Только виски нам не надо, Иван Петрович. Завтра я с утра приеду к вам, отремонтирую трактор, тогда посмотрим.

— Договорились.

Они стали прощаться, и Прохор снова почувствовал сильное рукопожатие хозяина кабинета. «Мастер спорта по лыжам, — вспомнил он о спортивных кубках в шкафу Ивана Петровича. — А вдруг не договоримся?» — засомневался, и тут же всплыла в памяти Прохора поговорка: сколько лыжи ни смазывай — не факт, что поедут.

* * *

На следующий день рано утром Прохор на мотоцикле поехал на песчаный карьер. Пока

его ждали, все оставшиеся ребята стали работать по своим направлениям. Кирилл связался с руководством на работе и договорился продлить отпуск ещё на неделю, а также сообщил матери, что, возможно, приедет в Воронеж не один, а с невестой. Мать на другом конце провода ахнула, запричитала, стараясь выведать подробности, но сын твёрдо ответил:

— Привезу мою красавицу, увидишь и оценишь.

Поскольку Прохору не удалось договориться с Ниной-химиком о машине (соседка уехала по делам в Москву), Тимур отправился до Тараскова пешком, где сел на автобус и отправился охмурять продавщицу хозмагазина.

Наконец в одиннадцать утра все оставшиеся обитатели дома слышали характерный тарахтящий звук подъезжающего трактора. В открывшиеся ворота въехал красного цвета «ДФ-244», в ковше у которого колёсами вверх находился привязанный за петли и проушины мотоцикл. Не теряя времени, все, уцепившись за трактор, покатали к развилке двух дорог, где лежала гора щебёнки.

Работа пошла быстро, слаженно и легко. Прохор из ковша рассыпал по крупным выбоинам щебёнку, а Кирилл с Семёном граблями подтаскивали её к ямам и утрамбовывали поленьями с приделанными ручками. К обеду треть работы уже была сделана. Проезжающие мимо односельчане махали руками, одобрительно кивали, но на помощь труженикам пришли только Сергей, рано ушедший с работы, и Виктор Георгиевич.

На второй день, когда дело подошло к концу, на дороге появилась машина Нины-химика. Какое же было удивление Прохора, когда он увидел в «Вольво» бывшую хозяйку его дома Аксёну Олеговну и её дочку Лизу, названную им когда-то Дюймовочкой. Женщины высыпали из машины, окружили дорожных волонтеров, принялись знакомиться и восхищаться энтузиазмом мужчин. Прохор так был сконфужен и своим внешним видом, и грязными, с соляжкой под ногтями руками, что не знал, как вести себя.

На помощь пришла Нина-химик, стала приглашать Прохора к себе в гости.

— Столько не виделись, — оживлённо говорила она за всех женщин, — надо встретиться. Как я

понимаю, у тебя полно народу, так ты не волнуйся, мама с дочкой останутся у меня. Приходи, как только освободишься.

Когда работа подошла к концу, Виктор Георгиевич при всех позвонил секретарю Гартарова и сообщил, что утрамбовка грунта щебнем закончена и можно приступать к асфальтированию дороги. Секретарь пообещала сразу после собрания обо всём доложить Евгению Сидоровичу.

Вернувшись к себе, Прохор связался с Верзиным, бодро доложил, что дорога сделана, и, ещё раз поблагодарив его за услугу, сообщил, что вернёт трактор утром. Затем он аккуратно побрился, принял душ, надел всё лучшее, что было у него, набрал на участке большой букет синих васильков и на мотоцикле поехал в гости к соседке.

Двухэтажная вилла Нины-химика благодаря её покойному мужу Саше — превосходному умельцу, была сделана из оцилиндрованного бревна, в этот день горящего на солнце золотом. Резные окна с одной стороны дома выходили на реку, а с другой — на дорогу.

Прохора на дороге заметили издали и открыли раздвижные ворота. Он въехал во двор, а затем в духе ковбойского фильма с Микки Рурком отключил мотоцикл и поставил его дыбом. В ту же секунду ему навстречу с неистовым лаем кинулись крошечные собачонки. На крыльцо вышли три нарядные женщины, а хозяйка дома стала умирать собачонок со странными кличками Чук и Гека. Прохор достал из багажника букет васильков, разделил его на три части и пошёл навстречу женщинам. Дружелюбие хозяйки и благородство намерений гостя в ту же секунду успокоило собачек. Женщины, получив по букету васильков, стали восхищаться цветами и приглашать гостя к столу.

Круглый стол, полный всякого изобилия, был накрыт во дворе, рядом с небольшим фонтаном, облицованным мозаикой из гранитного камня. Июньский день был жарким и солнечным. Но под яблоней была тень, а фонтан овеивал прохладой. После общего разговора о том, что давно не виделись и при этом все отлично выглядят, пошли тосты. Застолье покатило своим чередом.

Когда всё приготовленное Ниной попробовали и выпили не только коньяку, но и домашнего вина, Нина и Аксёна Олеговна хотели было оста-

вить молодых... Но вдруг Прохору позвонили из администрации городского округа Кашира. Выяснилось, что звонит первый заместитель округа Евгений Сидорович Тартаров. Прохор, предчувствуя, что его будут благодарить, подключил для большего эффекта громкую связь.

— ...Прохор Иванович, большое спасибо вам и вашим однополчанам за проделанную работу, — чуть официально, но уважительно начал Тартаров, — секретарь мне обо всём доложила. Вы оказались из тех людей, у кого слово не расходится с делом. Пообещали отремонтировать дорогу и в самый короткий срок это сделали. Мало того, что взяли в оборот Верзина, но и заставили его изменить график. Он теперь гоняет свои самосвалы по обходному пути. Наша администрация и я в том числе давили на него всё это время, а вам удалось в кратчайший срок его поставить на место. Это хорошо характеризует вас как организатора. Мы все здесь в администрации, прямо скажем, в восхищении, что у нас на горизонте появился такой человек.

Прохор только успел поблагодарить Тартарова за добрые слова, как на него обрушилось ещё одно сообщение.

— В связи с этим, уважаемый Прохор Иванович, у меня и моих коллег родилось одно очень важное предложение. Мы хотели бы видеть вас депутатом от вашего муниципального образования. Как вы смотрите, если вам баллотироваться депутатом сельского поселения «Колтовское Тарасково»?

Ваша деревня Кремнёвка, всё побережье реки Беспуты и даже пресловутый песчаный карьер Ивана Петровича Верзина входят в территориальную ответственность администрации Тараскова. Мы давно туда хотим предложить молодого энергичного человека вроде вас. У вас за плечами военная биография, вы герой СВО, награждённый орденом Мужества, вы местный, у вас в Кремнёвке свой дом, где вы прописаны... Кому как не вам быть депутатом от этого замечательного муниципального образования?

Так как по федеральному закону выборы должны проходить в один день, все они будут назначены на 10 сентября. Официально об этом событии объявят через пару недель. После чего у потенциальных кандидатов будет тридцать дней на выдвижение и регистрацию.

В сентябре пройдут выборы, на которых у вас есть большие шансы стать муниципальным депутатом. Если вы намерены и в дальнейшем отстаивать интересы своего района законными методами, то подготовку к ним стоит начинать сейчас.

Сделав короткую паузу, Тартаров продолжил:

— У нас есть инструкция по предвыборному периоду. Вы уже имеете большую поддержку — жители Кремнёвки и, я убеждён, две тысячи тарасковцев, жители округа поддержат вас. Как вы смотрите на наше предложение?

— Уважаемый Евгений Сидорович, вы меня застали врасплох. Никогда я не думал о себе в качестве депутата. Для этого нужно выработать определенную стратегию и тактику, а также разобраться в устройстве избирательного процесса. Не уверен, что я потяну всё это. В институте мы такой предмет не проходили.

— Прохор Иванович, я видел вас один раз и являюсь свидетелем того, как вы с ходу приняли такое решение, которое никому бы по лености не пришло в голову. А тут у вас будет широкий фронт, чтобы показать себя как личность, как организатора и просто русского человека.

За последние несколько лет муниципальным депутатам удалось многое: они останавливали точечные застройки, предотвращали заключение коррупционных контрактов, меняли планы по благоустройству районов, спасали парки от вырубки, боролись со свалками и влияли на изменение системы работы общественного транспорта. Получается, что муниципальный депутат — такой локальный супермен. А у нас будет ещё и герой СВО. Соглашайтесь, вы не пожалеете об этом.

— Что я должен сделать?

— Скажите «да»! Пришлите мне все ваши данные по интернету, и администрация включит ваше имя в избирательную кампанию. А дальше вы с Виктором Георгиевичем, главным ходатаем вашего выдвижения, начнёте готовиться к выборам.

— Хорошо, пошлите мне эсэмэску с вашей электронной почтой, я всё обдумаю и вам отвечу.

— Сейчас мой секретарь перешлёт вам наши координаты. Жду от вас положительного ответа. До свидания.

— До свидания, Евгений Сидорович.

Когда Прохор отключил телефон, все присутствующие при разговоре смотрели на него ошеломлёнными взглядами, которые не выразишь словами. Особенно ошарашена была Лиза, у неё на глазах появились слёзы, и она не спешила их спрятать.

— Поздравляю, Прохор, — первой заговорила Нина-химик, — и молодец, что согласился.

— Я сказал, что всё обдумаю и тогда отвечу, — не веря случившемуся, возразил Прохор. — Я собирался сделать автомастерскую. Это то, что я умею, а быть депутатом — не моё дело. Да потом меня не знают в районе.

— Не страшно, будешь знакомиться с жителями. Найдёшь помощников, вон сколько приехало к тебе друзей. Да и здесь найдутся люди, которые тебя поддержат. Один Виктор Георгиевич чего стоит. Соглашайся, я за тебя! Я права, девочки? Аксёна, Лиза, что вы молчите?

— Проша, я думаю, что автомастерская совсем не помешает, — с волнением заговорила Аксёна Олеговна. — У нас в доме на первом этаже живёт помощник депутата, так он все близлежащие дома и квартиры обходил. Никто не гнал, все откликались положительно. Он как-то мне сказал: хожу от двери к двери. Так его депутат теперь в Госдуме, известный человек. А ты воевал, у тебя высшее образование, полно друзей. Убедена, что ты справишься. Правда, Лиза?

— Да, верю, что справится. Я готова помогать, — негромко откликнулась та.

— А что, переедешь на время сюда, ведь собирались отдохнуть у меня, будешь с ним рядом, — восхищённо принялась планировать Нина-химик, — начнёшь участвовать в работе. У меня есть интернет, надо передать данные паспорта, диплома о высшем образовании, наверное, нужно заполнить заявление о согласии баллотироваться, сведения о доходах и имуществе. Вместе всё это можно сделать и быстро, и грамотно.

Друзья мои, у меня тост: за будущего депутата сельского поселения «Колтовское — Тарасково» Прохора Ивановича Волкова. Ура! Наконец-то у меня будет блат в местном начальстве.

Шутливый тост разрядил обстановку и снял напряжение. Прохор налил женщинам из графина домашнего вина, а сам выпил коньяку. Нина-

химик стала предлагать разные закуски, потом все ещё выпили. Вскоре в воображении Прохора депутатская тема стала вполне приемлемой, он и впрямь решил не отказываться от такого шанса.

Между тем Нина-химик перемигнулась с Аксёной Олеговной, и обе женщины под предлогом покормить собачек направились в дом, откуда вскоре полилась музыка и запела группа «АББА».

— Пойдём к реке, — неожиданно предложила Лиза, — здесь жарко, а там очень хорошо. Мы днём купались, вода тёплая. У Нины там беседка, можно посидеть, поговорить.

— А что, отличная идея. Возьмём с собой вот это, — Прохор набил карман шоколадными конфетами, подхватил графин с вином, початую бутылку коньяку, и они пошли в сторону реки.

Река в этом месте протекала совсем близко, сразу за благоустроенным садом. Громадный сад был особой гордостью хозяйки. Он создавался вместе с покойным мужем — выдающимся химиком Александром Гордиевским. Сад был наполнен разными декоративными деревьями вплоть до экзотической скумпии с кроной из цветочного «дыма», на участке прижились и дреза в контейнерах, и багряник, и даже айва. Все эти диковинные растения знала наперечёт Лиза, до этого внимательно прослушавшая ознакомительную лекцию Нины-химика. На берегу Беспуты были разбросаны шезлонги, а в небольшой, но уютной беседке можно было вполне отдохнуть, выпить и укрыться от дождя или солнца.

Весь этот день солнце палило нещадно, так что молодые люди спрятались от него в беседке. Под крышей был пристроен небольшой шкафчик, где хранилось всё, что может потребоваться в походных условиях. Достав из шкафчика на коротенькой ножке бокалы, Прохор налил Лизе домашнего вина, а себе — коньяку. Они молча выпили и, закусывая конфетами, откровенно разглядывали друг друга после долгой разлуки.

— Я помню, когда мы ехали с тобой в Луганск, ты так же всю дорогу изучал меня. Сказал, что недалеко, а дорога заняла чуть ли не два часа.

— Меньше, от коксохимического завода, где была наша часть, до Луганска сто пятьдесят километров. Я не хочу вспоминать эту поездку.

— Почему?

На секунду оба замолчали, вспоминая каждый своё. Она ждала, что уедет от него женой, а расстались почти на год.

— А в каком госпитале ты лежал? — быстро перескочила она на другую тему.

— Забыла? Я же тебе писал, в Богучаре. Ребята, которых ты видела, все лежали со мной в этом госпитале.

— Приехали к тебе отдохнуть?

— Да, если получится, — весело ответил он, думая о предстоящей операции.

— Надо им создать условия.

— Именно это я и сделал.

Он засмеялся и предложил ещё выпить. Она увидела рану, показавшуюся из-под рукава рубашки, и вздрогнула.

— Как твоя рука? — она притянула раненую руку Прохора ближе, сдвинула рукав и осторожно провела по ней ладонью. — Хочешь, завтра я приду, приберусь, постираю? Я этот дом ещё маленькой помню.

— А теперь ты стала большой?

— Разве ты не видишь? Третий курс окончила.

— Наверное, от мальчишек отбоя нет?

— Ехала бы я сюда, если бы у меня кто-то был.

— Слушай, что у тебя за духи, очень запах хороший.

— Это, Проша, не духи, это у меня кожа такая.

Он быстро придвинулся к ней и осторожно поцеловал сначала в шею, а потом в губы.

— Давай искупаемся, — высвободившись из объятий, предложила Лиза.

— Да я в рабоче-крестьянских... — смущённо признался Прохор.

— А я купальник и не снимала, — сообщила она. — Пойдём, так и быть, я не буду смотреть на твои трусы.

Они разделились, спустились к реке и с небольшой лестницы вместе нырнули в реку. Вода действительно была хороша, Беспута набрала тепла и дружески отдавала его всем её обитателям. Лиза хорошо плавала, и они наперегонки поплыли к другому берегу, вылезли наружу и распластались на горячем прибрежном песке. Он обнял её, стал смелее целовать и принялся стаскивать с неё мокрый, прилипший к телу купальник.

— Не торопись, не здесь, дай мне привыкнуть

к тебе, — шептала она ему на ухо, пытаясь вывернуться из его крепких рук.

— Ребята, где вы? — раздался с другого берега громкий голос Нины-химика. — Мы вас ждём! Мясо готово, я за вами. Где вы?

Голос постороннего человека в эту минуту прозвучал как выстрел. Прохор и Лиза замерли, секунду ещё лежали, вцепившись друг в друга, а потом, поднявшись в рост, откликнулись.

— Тётя Нина, мы здесь! — первой подала голос Лиза.

Они тотчас нырнули в реку, переплыли Беспуту, стыдливо оделись и, захватив оставшиеся напитки, пошли вместе с тётей Ниной в дом.

Ужин был приготовлен на длинной веранде, задрапированной шторами, напоминавшими рыболовецкие сети. Встретили их собачки Чук и Гека и заметно взволнованная мама Аксёна, внимательно присматривавшаяся к дочери и разгорячённому молодому человеку. Каким-то шестым чувством мама Аксёна поняла, что всё в порядке, быстро успокоилась, не спросив даже, как молодые люди провели время, и все приступили к ужину.

Засиделись до темноты. Ужин был первоклассным. Женщины пели в три голоса, Прохор с Лизой танцевали аргентинское танго, больше похожее на «обнимашки», Чук и Гека, подражая им, повизгивали от радости.

Около девяти вечера Прохор стал прощаться. Записал новый мобильный телефон Лизы и условился, что, решив вопрос с депутатством, воспользуется интернетом соседки. Потом придёт в гости.

* * *

Подъезжая к дому, он поразился освещению и доносящейся через стены и распахнутые окна музыке. Даже со второго этажа ярко лился свет. Около дома стояли два рафика, «жигуль» Марины Львовны, «Приора» Виктора Георгиевича и машина Григория, приехавшая в памятный день знакомства. Прохор открыл ворота, загнал мотоцикл под небольшой пристроенный козырёк и вошёл в дом.

Народу было битком, человек пятнадцать. За столом сидело много незнакомых людей, кое-

кто уже складывал вещи, собираясь уходить. Все шумно разговаривали, было накурено, а около раковины мыла посуду Марина Львовна. К буфету был подвинут раскладной стол, на котором стоял небольшой музыкальный центр с магнитофоном и динамиками, пел какой-то певец. Под строчки песни «Что так сердце, что так сердце растревожилось...» в центре холла танцевали Кирилл и Елена.

Первым заметил вошедшего Прохора Виктор Георгиевич. Он быстро пошёл навстречу с громким возгласом: «А вот и хозяин дома пришёл!»

Несмотря на галдёж, его слова были услышаны, но шуму только прибавилось. Сергей бросился к Диме — баритону, ди-джею вечера, и тот быстро выключил магнитофон. Кирилл, поблагодарив Елену за танец, с широко распахнутыми руками подошёл к Прохору и, обняв, принялся его представлять:

— Друзья мои, вот о ком мы сегодня вспоминали весь вечер! Это хозяин дома, мой фронтовой друг, младший лейтенант Прохор Иванович Волков. Ура, товарищи! — неожиданно выкрикнул он в конце. На удивление, все стройно подхватили «ура», кто-то стал поднимать стаканы.

— Прохор, — выдвинулась вперёд Елена, — простите нас, что мы без вас здесь расхозяичились, но у нашего товарищества «ЗАРЯ» благодаря вам и Виктору Георгиевичу большой праздник. Во-первых, мы выкупили два участка у Кудрявцевой, во-вторых, привезли и поставили две металлические бытовки-«распашонки» с обогревом. К одной из бытовок Виктор Георгиевич подвёл воду и смастерил душ. Но главное, мы привезли рассаду... много разной рассады и семян. В-третьих, у нас теперь две теплицы из поликарбоната. Одну мы поставили, другая ждёт своего часа. Ребята, а что-нибудь упустила?

— Да, упустила! На одном из участков оставлен поликарбонат, поэтому его сторожат Аня и Семён, — громогласно сообщил Кирилл и с игривой интонацией негромко добавил Прохору: — Разведчик окончательно втюрился.

— У нас к вам одна великая просьба, — умоляющим голосом обратилась Елена к Прохору. — Хотя у нас действительно много умельцев, но нет трактора и водителя. Поскольку у вас есть трактор и вы им владеете, не могли бы вы завтра

вспахать купленные нами участки, тогда мы всей этой компанией в субботу приехали бы на высадку рассады, семян и благоустройство нашей территории. Эта работа будет оплачена гонораром из нашей совместной кассы.

— Я эту работу готов сделать и без гонорара, — отозвался Прохор, — полдня у меня завтра в запасе, но, к сожалению, у этого трактора нет ни плуга, ни фрезы, чтобы пахать землю.

— Прохор прав, — поддержал Сергей, — мелиорацию без классического плуга сделать невозможно. У ваших участков тяжёлый задернённый и лежалый грунт. Нужен плуг, фреза с этим не справится.

— Есть выход, — подал голос Виктор Георгиевич, — у нас в деревне подхалтуривает фрезой за гонорар Шмонов, а плуг я завтра достану в местном ООД.

Раздались бурные аплодисменты, снова началась общий галдёж, выпивка и тосты.

— А теперь, Прохор, знакомься! — громко объявил Кирилл, и они с Еленой стали по одному представлять гостей, сидящих за круглым столом. Только два водителя рафиков сидели отдельно и пили кофе с тортом. Прохор застал компанию, когда часть гостей собиралась уже уезжать в Москву, поэтому знакомство одновременно выливалось и в прощание. Приход хозяина ненадолго задержал их, но водители рафиков, нанятые для перевозки, не хотели больше оставаться и настаивали на отъезде. Вскоре они уехали, остались только свои. Через минуту, проводив Марину Львовну, уехавшую на своём «жигулёнке» в Ступино, вернулся и Сергей.

Только теперь все почувствовали, что не хватает Тимура.

— А где застрял наш разведчик? — с тревогой оглядывая всех, спросил Прохор. — Соседка Нина-химик вернулась, теперь можно возить его в кафе на «Вольво». Он не звонил?

— Нет, ни мне, ни Семёну Тимур не звонил, — ответил Кирилл.

Вдруг вдалеке раздались сильный стук в ворота и отдалённый крик.

— А вот и он! — Прохор сорвался с места, выбежал наружу и открыл пультом ворота.

Разгорячённый Тимур стал кричать:

— Стучу, кричу, а вы словно оглохли!

— Нет, я сразу услышал, — стал оправдываться Прохор. — Только что рассказал ребятам, что договорился с соседкой и теперь в твоём распоряжении может быть «Вольво».

Они вошли в дом. Тимур, заметив на столе небранную еду и напитки, взял пустой стакан и налил в него из бутылки остатки красного вина. Сделав пару глотков, он фыркнул и, оглядев всех, зло заявил:

— Правильно говорят, нелюбимая работа будет иметь тебя. Из меня — разведчик, как из балерины — водолаз. Иду пешедралом от Тараскова до Кремнёвки — темень непроглядная, ни одной «человеческой» машины. Конечно, голосовал, но ни один идиот не остановился. Ноги гудят, петляю, словно заяц, весь хмель вышел, и к тому же жрать хочу, пришёл, а тут ещё и ворота закрыты.

— Ладно тебе сердиться, Тимка, — перебил Кирилл, — тут столько дел переделано, столько новостей, что не до тебя было. Ничего страшного, соседка Прохора вернулась, в следующий раз он тебя на «Вольво» отвезёт.

— Следующего раза не будет. Операцию надо проводить в субботу.

— В эту субботу? — спросил Виктор Георгиевич.

— Да, в эту субботу. Во-первых, повторно дежурит «алкаш», которому я обещал, что приготовлю что-нибудь вкусненькое и бутылку коньяку. Во-вторых, сам Шах завтра на два дня уматывает в Москву за товаром.

— Значит, он вернётся только в воскресенье? — уточнил Прохор.

— Да, в воскресенье. У нас только один день: в ночь с пятницы на субботу. Есть одна проблема, слышал, что Шах приказал перекрыть главный вход цепью, чтобы ни одна машина во двор магазина не въехала.

— И что теперь делаем, отказываемся? — спросил Сергей.

— Нет, отказываться нельзя, — продолжил Тимур, — лучшего случая может не быть. Надо срочно договориться об эвакуаторе и, главное, найти две болгарки.

— Зачем две? — спросил Виктор Георгиевич.

— Думаю, надо работать одновременно: одному надо срезать замок на входе, чтобы прошёл эвакуатор, другому — в мастерской, где находят-

ся станки. Сделать надо быстро, на всё не больше получаса. Я где-то около девяти напою коньяком со снотворным Бухатыря и поеду в Каширу провозжать Наташку, может, останусь у неё в общежитии. Ну, а вы будете действовать самостоятельно.

— Тима, никто из нас не знает, в каком месте находятся эти станки, — возразил Кирилл. — Ты уедешь, а кто нам укажет, где этот хозблок?

— Я знаю, где мастерская со станками, — поддал голос Виктор Георгиевич, — и у меня есть хорошая аккумуляторная болгарка. Я срежу оба замка за пять минут, надо только поставить новые диски.

— Виктор Георгиевич, не надо вам участвовать в этом, — неожиданно сказал Прохор, — я для того и позвал друзей, чтобы они помогли мне вернуть ваши станки. Вы видите, за две недели полиция ничего не сделала, уверен, что она на прикорме у Шаха. Поймите, вас в районе знают, проедет какая-нибудь машина, увидят вас около ворот Шаха и могут донести, что поздно ночью видели там Козлова. Вам это нужно?

— Прохор, другого выхода нет. Без меня вы не найдёте хозблок. Они очень похожи, сделаны по стандарту, и, пока вы ищете, запутаетесь и потеряете время.

— Тимур, может, ты видел, где эти доски делают? — спросил Сергей.

— Нет, не знаю.

— Ребята, у меня другого выхода нет! — возбуждённо заговорил Виктор Георгиевич. — Смотрите, какой дурдом получается: мне необходимо сделать обшивку гаража и свай фундамента, мне нужны доски, а придётся ждать, когда полиция сообщит Прохору, что станки найти не удалось и дело о краже закрыто. Просто зашибись — не встать! Станки под боком, а я, значит, не имею права их вернуть? В конце концов, если вы боитесь за меня, я надену маску, если надо, чёрт с ним, приклею бороду.

Вариант с бородой всех рассмешил. Видя безвыходность положения, Кирилл подытожил:

— Значит, предлагаю такой план: Тимур занимается охранником, звонит нам, а потом смывается с бабой в Каширу. Нас остаётся пятеро: Семён, Серёга, Прохор, я и Виктор Георгиевич.

— Подождите, ребята, — вмешался Сергей, — больно легко у тебя, Кирилл, всё получается. Бу-

дет маска у дяди Вити или будет он с бородой, но, сто пудов, к нему первому приедет полиция. Мне на работе один парень объяснил: есть статья «за самоуправство».

— Ты что, кому-то рассказал о плане? — удивился Прохор.

— Нет, конечно! Говорили мы в общем, то есть о разных случаях. Мужик и назвал эту статью.

— Почему ты уверен, что полиция его быстро вычислит? — недоверчиво спросил Кирилл.

— Даю голову на отсечение, что сюда пошлют наряд и перетряхнут всех стукачей. В деревне все знают, что у Козлова есть станки, купленные в ООД. К тому же, уверен, кто-нибудь из наших видел, что Козлов на эвакуаторе перевёз станки Прохору. Ну, а от Прохора прямая линия к каждому из нас.

— А мы найдём железное алиби! — твёрдо заявил Кирилл.

— Всё равно без полиции здесь не обойдётся, — настаивал Сергей.

— Во-первых, сразу приедут к старосте деревни Козлову, вызовут племянника — что ты, Серый, видел? А дальше возьмутся за Прохора. Откуда друзья, зачем приехали? Шах затаскает по судам. Все, кто был на виду, в том числе и Тимур, должны иметь железное алиби. Повторяю, пока всей затее светит «самоуправство», а может быть, и срок.

— Только не пугай, Серёга, мы здесь все пуганые-перепуганные. Значит, у каждого должно быть своё алиби. В субботу сюда приедут из товарищества «ЗАРЯ», мы будем им помогать. Если кто-нибудь из них задержится, надо, чтобы они нас видели. Нам остаётся суметь незаметно исчезнуть на час и так же незаметно вернуться, — завершил Кирилл.

— Ребята, у меня ещё одно предложение: исключить из группы Прохора.

— Почему, Виктор Георгиевич? — удивился Прохор.

— Дело в том, что мне, как старосте, сегодня сообщили, что Прохору Волкову окружное начальство Каширы предложило баллотироваться в депутаты муниципального Колтовского поселения Тарасково.

Послышался общий вздох, все широко раскрытыми глазами уставились на Прохора. Прохор смутился, заёрзал на стуле и тихо сказал:

— Это к делу не относится. Пока я только обещал подумать.

— Прохор, ты позвал — мы приехали. Ответь: поквитаемся мы с Шахом или умываем руки и уезжаем? — требовательно спросил Кирилл.

— Поквитаемся, но надо пойти другим путём.

— Ленинским, что ли? — встрял Тимур.

— Надо поменять маршрут, — предложил Прохор. — Заберём станки и спрячем их не у Виктора Георгиевича, а в другом месте. Пусть раскрутится дело, пусть подозревают Козлова и даже нас. Но если нет станков — ничего не докажешь. А алиби у нас есть — мы с друзьями из товарищества «ЗАРЯ» всё время были вместе, работали допоздна.

— А где спрятать станки, чтобы не нашли? — подал голос Сергей. — В деревне — нельзя, стопроцентно донесут.

— Знаю одно место, до меня вполтину ближе, — предложил Виктор Георгиевич. — В бывшем совхозе есть старая весовая, никто ею давно не пользуется, замок навесной. Там держат всякое барахло. Вряд ли кто-нибудь туда сунется.

— А как ты станки потом вернёшь?

— Очень просто: кто-нибудь «неожиданно» туда заглянет, увидит, сообщит в ООД, а те позвонят мне.

— Приедет полиция и станки заберёт.

— Не имеют права, у меня документы на покупку этих станков в ООД «Сухой корм».

— А что, хороший план! — воскликнул Кирилл, потирая руки. — Как говорит моя мамочка: «Происходит только то, что должно происходить».

* * *

Всю пятницу Прохор пахал. К вечеру успел пройти плугом и фрезой все участки товарищества. Тяжёлая задернённая земля теперь стала обласканной, красивой и доброй. Отогнав трактор в песчаный карьер, Прохор поставил привезённый с собой мотоцикл на землю, заглянул к Ивану Петровичу и, поблагодарив его, вернулся домой. Там бухнулся на диван и проспал до утра. Проснулся в непривычной за последнее время тишине и безлюдье. Единственное, что дало понять, что люди всё-таки были, это сваленные в коридоре сумки и чья-то одежда, висевшая на длинной деревянной вешалке.

«Я всё пропустил: и приезд, и отъезд людей на участок. Пожалели, не разбудили, но бутерброды оставили», — обрадовался он, когда обнаружил завтрак, аккуратно завернутый в салфетку.

Быстро съев бутерброды, он сел на мотоцикл и отправился посмотреть, как идёт работа.

Подъезжая, заметил большой автобус ПАЗ с открытыми дверями и сидящим за рулём водителем, который что-то увлечённо жевал. Видно было, что народу приехало немало. Аня с Семёном раздавали выгруженные из автобуса семена и рассаду. Елена с Кириллом в хозблоке мараковали что-то с бумагами. Кирилл на секунду вышел из хозблока и неприметно сообщил Прохору, что Тимур с Козловым поехали в Каширу за эвакуатором. И ещё тише добавил:

— Когда охранник Шаха придёт в горизонтальное положение, Тимур позвонит.

На втором участке Кудрявцевой уже были сделаны грядки, там трудились Сергей с Мариной Львовной. Они оживлённо поздоровались с Прохором, продолжая бережно поливать водой из леек только что посаженную рассаду. На другом поле ещё одну теплицу собирали двое мужчин, прямо по Чехову — тонкий и толстый; не выпускающая сигарет изо рта, они довольно умело подворачивали поликарбонат и шуруповёртами крепили его к металлическим скобам.

Прохора все работающие узнавали, приветствовали как своего, однако он долго не мог определиться, чем заняться. Наконец Елена предложила приспособить на багажнике его мотоцикла деревянный поддон, и он стал перевозить коробки с рассадой к теплицам.

Занимаясь своей частью порученной работы, Прохор вдруг понял, как права была Елена, увлекая их таким живым делом. В памяти всплывало множество людей, которых он видел на фронте, на той линии соприкосновения, где каждый день либо радость, что живой, либо горе от потери товарища, друга, просто очередного бойца, отдавшего свою жизнь Родине. Никто из них, как правило, не программировал, что будет дальше, когда начнут жить по-другому. Прижилась поговорка: «авось» да «небось» на фронте брось. А здесь это будущее рождалось само собой, настойчиво определялось каждым, люди самостоятельно решали свою судьбу и хотели жить по-новому.

Прохор заметил, что друзья, приехавшие к нему на помощь, вдруг в окружении этих людей забыли про горе и раны, их потянуло к земле, к своей малой родине, где у каждого есть привилегия, ведь бедным быть не стыдно, стыдно быть дешёвым. А еще к тому, что всегда было ценным для русского человека, — к справедливости.

В обед все гуртом собрались у костра, а потом работа возобновилась и продолжилась до вечера. Большинство людей занимались посадкой, радуясь и похваливая ставшую теперь родной землю. Вечером, никого не потеряв, все вернулись в дом Прохора. На этот раз долго не задерживались. Поужинав и выпив для аппетита по глоточку восхитительного, но лёгкого ледяного сидра, который им прислали на пробу друзья из соседней яблочной общины, все уселись в автобус и уехали. Остались только Елена и Аня. Вскоре их забрал к себе приехавший из Каширы Виктор Георгиевич, предварительно сообщив ребятам, что жёлтый эвакуатор «Hyundai» будет всех ждать с часу до двух часов ночи у большого креста при въезде в Тарасково.

Елена не хотела уезжать к Виктору Георгиевичу без Кирилла, но он настоял, сказав, что надо поправить забарахливший протез. Осталась Марина Львовна. Она не поехала в Ступино, сославшись на усталость, работу во вторую смену. И главное, под умелым натиском Сергея она всё-таки отвела яблочного дара соседней, хотя раньше никогда алкоголя не пила, так что у неё с непривычки закружилась голова.

В начале десятого позвонил Тимур и сообщил, что клиент взял на грудь всё, что нужно, и залёг в каморке для охраны. Кирилл тут же перезвонил Виктору Георгиевичу и доложил об этом.

— Всё идёт по плану, встречаемся в час ночи у креста в Тарасково.

Неожиданно к общему замыслу добавилась идея, которую предложил Семён. Когда он узнал, что станки перевезут не в дом Виктора Георгиевича, а в весовую ООД, к тому же находящуюся всего лишь в двух километрах от хозяйства Шаха, закоренелый разведчик предложил поставить где-нибудь на территории жучок портативной прослушки.

— Ребята, — объяснил он, — если от весовой до владений Шаха меньше двух километров, то я

легко подключусь. Тогда мы будем знать всё, что он предпримет. — Он достал из своего рюкзака дорожную сумку для электроники. — Это моя шпионская сумка.

Он перебрал кучу деталей и вытащил то, что требовалось.

— Вот жучок «Х 9009» с качественным усилителем, диапазон частот 430–440 МГц, а вот и сам «Bug hunter», дальнобойный аппарат. Фитюлька, а работает как зверь. К нему я подключу через систему СОРМ мой мобильный, и мы будем слышать всё, даже как Шах ходит в туалет. Шерхан ещё не знает, с кем он связался.

Время тянулось медленно. Все, кроме Сергея и Марины, собрались на первом этаже. Вначале смотрели «Постскрипtum» Пушкина, а затем слушали пугальщика атомной войной Караганова. Неожиданно со второго этажа спустился Сергей и вызвал на разговор Прохора.

— Надо поговорить, — бросил он на ходу всем.

Они вышли во двор.

— Прохор, я не поеду, — категорически заявил Сергей.

— Струсил? — спросил Прохор.

— Нет, не поэтому.

— Хочешь с Мариной в одиночестве побыть? Так вы на втором этаже — полная свобода.

— Спокойно, мы уже это сделали. Не поэтому. У меня, Прохор, была судимость. Мальчишкой мы сошлись стенкой с григорьевскими. Я тогда одного задел ножом. Меня вычислили свои же и сдали. Получил я два года, в этом году почти тридцать лет прошло. Сидел вначале в Каширской тюрьме, потом в УФИЦ, в исправительной колонии № 6. Если, не дай бог, начнётся заваруха, полиция может повесить это на меня. Я, племянник Козлова, вернул дяде украденное.

— Да с чего ты взял, что на тебя повесят? Не бзди, всё будет нормально.

— Нет-нет, я не готов! Мы с Мариной пригодимся, мы будем алиби. Всё это время мы были вместе.

— А чего ты до этого молчал? — удивился Прохор.

— Я думал, что ты знаешь.

— Я сплетни не собираю. Ладно, оставайся, но

Марине ни слова. Ребятам я всё объясню, — обронил Прохор и вернулся к своим.

Серёга быстро прошмыгнул на второй этаж, а Прохор всё рассказал ребятам.

— Друзей не испытывают за столом, — бросил Семён Прохору и замолчал.

Кирилл предпочел не комментировать, а только подвёл итог:

— Значит, нас четверо. Давайте собираться. Я пойду проверю машину и отгоню её подальше от дома.

— Зачем? — не понял Прохор.

— Чтобы Марина не слышала, как она заводится. Если что, у неё первым делом спросят: «Где была машина, на месте?»

— Ты так говоришь, как будто нас уже поймали.

— Проша, всё надо предусмотреть, мы ведь не на прогулку едем. Этот Шах просто так станки не отдаст, они ему стали родными и деньги принесят.

Около часа ночи они тихо вышли из дома, прошли метров двадцать вперёд и на «Ладе» поехали в сторону Тараскова.

Виктор Георгиевич уже был на месте. Все собрались. Молча кивками поприветствовали водителя эвакуатора — молодого мальчишку лет двадцати, улыбчивого, со щербинкой на передних зубах, одетого в синий комбинезон и кожаные перчатки. Затем расселись по машинам.

Эвакуатор «Hyundai» захрохотал, развернулся и направился в сторону кафе «Ласточка». Две машины обогнали его и поехали впереди. Виктор Георгиевич в непривычной спортивной бейсболке на голове ехал перед «Ладой», указывая рукой, где остановиться. Все машины укрылись в тени высоких, развесистых тополей, посаженных вдоль дороги. После развала совхоза-миллионера тарасковские тополя долгое время были брошены, но волонтеры школы в этот год, весной, побелили комли стволов гашёной известью, и теперь на каждом дереве вдоль дороги белели «коротконогие» следы их работы.

Все машины под кронами деревьев были незаметны со стороны кафе, которое находилось напротив и светилось яркой вывеской и лампами изнутри.

Разделившись на две группы, одновременно подошли к входу. Металлическая цепь была натянута на метровой высоте и служила ограждением для въезда грузовому транспорту. Шаховское подворье было похоже на огромное поместье, на территории которого раскинулся хозяйственный магазин разнообразных изделий. На открытом пространстве красовался широкий ассортимент товаров разного назначения. Здесь были в большом выборе деревянные бытовки, готовые бани, дачные домики, кабинки для душа, туалеты — похожие на огромные скворечники, разные деревянные контейнеры.

Первое, что сделали «залётные похитители», это отправили Семёна к будке охраны проверить, спит ли сторож. Посмотрев в окошко, Семён дал сигнал — показал руками, что одурманенный коньяком и «Донормилом» бодигард спит. Виктор Георгиевич сдвинул на натянутой цепи набок замок и на удивление легко срезал его болгаркой. Затем они с Прохором быстрым шагом направились внутрь участка.

Столярная мастерская находилась в стороне, в большом продолговатом сарае, подпираемом складированными досками и горой стружек и опилок.

Двусторонние двери сарая на ночь были заперты большим навесным замком. К этому «металлическому стражу», оглядываясь по сторонам, крадучись, подошли Прохор и Виктор Георгиевич. На участке не было ни одной живой души. Тишина стояла напряжённая, и обоим казалось, что кто-то следит за ними. Замок в мастерской был увесистым, но новый диск аккумуляторной болгарки сработал отлично — мастерскую открыли.

В тот момент, когда замолкла болгарка внутри участка, Кирилл дал команду водителю эвакуатора, и тот тронулся с места. Семён издали дал сигнал рукой, эвакуатор въехал на территорию и, сопровождаемый Виктором Георгиевичем, подрулил к мастерской. Двери уже были распахнуты, стрела крана медленно протянулась внутрь сарая, Виктор Георгиевич с Прохором набросили цепь с крючком на рейсмусовый станок, и через минуту он уже стоял на платформе. Следом забрали и второй станок.

Когда станки были закреплены, эвакуатор медленно развернулся и направился к выходу. В

тот момент, когда Прохор и Виктор Георгиевич с обеих сторон стали закрывать двери мастерской, внезапно появился Семён. Он быстро прошмыгнул внутрь, фонарём осветил помещение и под потолком поставил «жучок». Это было сделано так быстро — мгновенно, — что Прохор показал Семёну большой палец. Закрыв плотно двери, Виктор Георгиевич в перчатках, со сбившейся набок бейсболкой, повесил срезанный замок на место, и все трое побежали на выход.

На весовой всё делалось намного спокойнее. Когда станки были установлены на площадке и забросаны разным хламом, Семён подключил прослушку, проверил связь со своим мобильником и торжественно произнес:

— С Христом — на вы, с судьей — на ты, ну а с братвой — до гроба!

Через десять минут они уже подъезжали к Кремнёвке. Виктор Георгиевич направился к себе, влез в окно боковой комнаты и, убедившись, что гости спят, налил себе стакан водки, медленно выпил, не закусывая, и лёг в постель. Уснул мгновенно.

Когда «Лада» Кирилла подъехала к дому Прохора, их встретил Сергей.

— Ну как, — спросил он виноватым голосом, — всё удачно?

— Хорошо, что тебя не было, Серёжа, — за всех ответил Семён, — никто не задавал ненужных вопросов.

Около девяти утра всех разбудил Семён. Он спал с мобильником под подушкой и услышал, что вернулся Шах, обнаружил срезанные замки и устроил скандал охраннику.

— Орёт как резаный, — докладывал перепуганный Семён, — уже позвонил участковому и связался с Тимуровой Наташкой. Ребята, она, кажется, Тимура сдала. Сообщила Шаху, что тот ночевал в общежитии, позавтракал у неё и поехал на автобусе в Тарасково. Ребята, самое страшное, Шах потребовал, чтобы участковый задержал Тимура на автобусной остановке в Тарасково.

— Так надо звонить, предупредить Тимура, пусть сойдёт с автобуса, — быстро предложил Прохор.

— Я уже звонил, телефон не отвечает, его ЗАРядное здесь. — Семён показал шнур и бросил его на стол.

— Едем! Надо успеть перехватить его по дороге! — крикнул Кирилл и стал быстро одеваться.

Через пять минут они уже сидели в машине и гнали наперерез к автомобильной дороге Кашира — Тарасково. На предпоследней автобусной остановке народу не было, стало ясно, что автобус уже прошёл. Когда они подъехали к конечной остановке, автобус с табличкой «Кашира — Тарасково» только начал разворачиваться, чтобы ехать назад. В этот момент они увидели Тимура. Рядом с ним находились два полицейских, поодаль в белом костюме стоял крепкий, почти квадратный мужчина лет сорока, с мясистым лицом, с залезшими на пробор чёрными волосами, — человек явно не русской внешности. Мужчина не переставая говорил, грозил кулаком то Тимур, то мужику в спецовке, который с перепуганным лицом пытался что-то безуспешно объяснить полицейским. Рядом на дороге стоял полицейский уазик, к нему вплоты припарковался светло-коричневый автомобиль «БМВ». Нетрудно было догадаться, что мужчина был Шах, а «БМВ» — его машина.

— Всё, приплыли, — зло произнес Семён. — Моя техника сработала с опозданием. Видимо, он позвонил в полицию, сообщил, что замок на воротах срезан, а потом подошёл к мастерской.

— Прохор, что делать? Может, вмешаться? — спросил Кирилл.

— Ни в коем случае. Не хватает, чтобы нас видели. Проезжай дальше, за угол, чтобы не засекали машину.

— Поздно, лучше стоять на месте, может, заметит Тимур, — отозвался Кирилл.

Действительно, Тимур их заметил, но не показал виду. Держался он уверенно. После долгих препирательств и обвинений со стороны Шаха полицейские взяли Тимура под руки и посадили в уазик. Машина вырвалась на дорогу, а Шах с охранником поехали следом.

— Всё, они повезли его в участок, будут допрашивать, — в полнейшей тишине произнёс Прохор. — Поехали домой, надо решить, что делать.

* * *

Водиннадцать утра произошло то, чего никто в доме не ожидал. Первым заметил подъез-

жающий БТР, сопровождаемый полицейским уазиком, Сергей. Он слетел со второго этажа и закричал:

— Едут три машины! Уазик полицейских и, кажется, БТР СОБРа. Позади чья-то гражданская машина. Видите, началось, я вас предупреждал, — шёпотом закончил он.

Мгновенно все бросились к окнам. БТР остановился метрах в пятидесяти от дома, из него выскочили человек шесть в камуфляжах с автоматами, защитными щитами и цепочкой побежали к дому. Двое полицейских, которых ребята видели утром, бежали вслед за собровцами. В это время ближе подъехал «БМВ», из него вышел Шах. Постояв, он огляделся и неторопливо двинулся к дому.

Прохор понял, что, если не открыть ворота и не выйти навстречу, собровцы полезут через забор и начнут брать их, как террористов. Он выбежал во двор, нажал на ключ-кнопку управления воротами. Ворота поползли в сторону, и в них быстро вбежали собровцы. За Прохором во двор вышли Кирилл, Семён и позже — Сергей с Мариной Львовной.

Командир, майор по знакам различия, негромко приказал одному собровцу проверить незапертый сарай, двое других вошли в дом. Через минуту они вернулись и доложили командиру, что станков нигде нет, а арестованных можно завести в помещение. Всю группу и даже Марину Львовну усадили на стулья, спиной к столу, и только тогда вошли полицейские. Первым был лейтенант, замеченный на остановке, по всей видимости, участковый, а вторым — знакомый капитан, который арестовывал Тимура.

— Ну вот, доигрались! — торжественным голосом возвестил капитан. Он открыл уже знакомую синюю папку, внимательно посмотрел на каждого сидящего перед ним и продолжил: — Не знаю, как сюда попала женщина, но вы, залётные гости, обвиняетесь в хищении станков в хозмагазине «Майрат», принадлежащем господину Гаджиеву Шахину Юсуфовичу.

В этот момент владелец магазина вышел вперёд и, оглядев всех сидящих около стола, сделал странный жест, словно кому-то открутил голову. Только теперь все увидели непропорционально большие руки и злое, искажённое лицо хозяина «Майрата».

— Ваш подельник — Саркисян Тимур Арсенович, — продолжил капитан, — дал признательные показания, согласно статье 91 УПК РФ вы будете задержаны на 12 часов, до судебного решения.

— Позвольте узнать, господин капитан, а почему «наш подельник» не доставлен сюда, чтобы дать свои показания в нашем присутствии? — громко спросил Кирилл.

— В данный момент он является арестованным за содействие в похищении станков и задержан на 48 часов.

— Уважаемый господин капитан, — чеканя каждое слово, продолжил Кирилл, — Тимур Саркисян отсутствует здесь, потому что на самом деле он никаких показаний не давал. Вы его держите в участке, но забыли, что армяне отличаются невероятной сплочённостью. Они всегда поддерживают не только друг друга, но и друзей. Наш Тимур из города Шуши, который известен тем, что в нём не рождаются лгуны и предатели. К тому же вот у меня мобильник, здесь от него есть звонок.

— Игнатъев, он не мог позвонить, у него отнят мобильный, — крикнул капитан.

— Но у него есть друзья, красивая армянка Яна от его имени позвонила мне и сообщила, что он просит нас, его друзей, помочь избавить его от клеветы.

— Игнатъев, вы врётё! Никто вам не звонил! Ваш Тимур Саркисян в своё время будет доставлен в суд и даст против вас показания.

— Ничего он не даст! Мы его прекрасно знаем! Из нас предателей не сделаешь. Мы вместе воевали! Где доказательства, что якобы кто-то из нас обворовал бедного господина Гаджиева? Может быть, их даст детский врач Марина Львовна, которая здесь находится безвылазно, работая в товариществе «ЗАРЯ»? — уже не сдерживаясь, стал кричать Кирилл. — Я вам откровенно скажу: всё, что вы говорите, господин капитан, шито белыми нитками. Смотрите, чтобы ещё раз не попасть в лужу, где крепкими зубами может укусить большая амфибия.

— Не надо здесь никого пугать, ваш друг дал на вас показания.

— Неправда, всё наоборот! Наш друг просит нас защитить его от необоснованных обвинений. Вот так! Ему пытаются пришить дело ограбления

вот этого господина, который, судя по жесту, с нами решил покончить. Вот так! Господин Гаджиев, вас ввели в заблуждение, можете перевернуть весь дом, но украденных станков вы здесь не найдёте.

— Я вам «не этот господин», — громко, с восточным акцентом выкрикнул Шах. — Я азербайджанский предприниматель, Гаджиев Шахин Юсуфович, владеец хозяйственного предприятия «Майрат». Вы, как правильно сказал товарищ капитан, уже отличились: избили моего знакомого фермера Романа, участвовали в драке, стреляли из автомата по китайским товарищам. Ведёте себя, словно вам теперь после СВО море по колено. Нет, мы здесь не на чужой земле, у нас, азербайджанцев, карапахов, афшаров, тоже есть российские паспорта. И мы не дадим обворовывать! Не умеете работать, шатаетесь в поисках заработка — значит, лучшее место для таких — это тюрьма.

— Прекратите нас унижать, господин Гаджиев! Вы находитесь в моём доме, и я запрещаю вам оскорблять нас, — каким-то срывающимся, гортанным голосом заговорил Прохор. — Это мои друзья, которые совсем недавно были на передовой, воевали и к тому же ранены. Вряд ли вы знаете, что по фронтовой привычке мы никогда ничего не забираем чужого. К сказанному моим товарищем и я скажу правду! Возможно, станки, украденные у этого господина, вовсе и не его станки, а пропавшие станки старосты Кремнёвки Козлова Виктора Георгиевича, который одолжил их мне для ремонта моего дома. У меня их украли собиратели лома! <...>

— Yalan! — громко выругался Шах и, достав мобильный, начал быстро говорить, размахивая телефоном: — Я сейчас вызову сюда моего бухгалтерера, и она покажет документы на покупку у каширского «Металлосбора» старых станков, которые я отремонтировал, поставил им новые ножи, а потом открыл столярную мастерскую.

В это время где-то во дворе раздался стук по забору и громкие раздражённые голоса. Следствие остановилось, все стали прислушиваться. Однако шум во дворе нарастал, и в дверь кто-то постучал. Майор впустил собровца, который стал быстро что-то ему докладывать, затем отвёл в сторону капитана полиции и сообщил:

— Около дома собрался народ, шумят, ругаются. Мои передали, что это жители деревни Кремнёвки, требуют, чтобы пропустили двух свидетелей по этому делу.

Капитан секунду помялся, хотел куда-то звонить, но вдруг решил:

— Пустите, но только двух.

Через минуту в гостиную вошла бабка Серафима с орденами и медалями на стареньком зелёном жакете, а следом — Виктор Георгиевич с двумя досками в руках.

— Вот так да! — воскликнула баба Серафима прямо у входа. — Всех арестовали, и внук здесь. Его-то за что? Он местный. Внук-то это дело бросил, теперь в горлышко медное весь свой ад не заливает. Хорошей женщиной обзавёлся, а вы и её на преступное место посадили.

— Гражданка, нам сказали, что вы по делу пришли. Что вы хотите сообщить? — настойчиво спросил капитан.

— Я вот что скажу, моя милиция — полиция. Я от людей здесь, от деревни! Нас было в Кремнёвке пять ветеранов. Трое — ушли, один лежачий — на кровати, а я — на ногах.

— Нам сказали, что вы свидетели. Свидетели чего? — вновь спросил капитан.

— Да, мы с сыном, Козловым Виктором Георгиевичем, старостой деревни Кремнёвки, — свидетели. Во-первых, по какому лешему вы, не разобравшись, хватаете людей и обвиняете их? То вас не устраивают наши молодые на митингах, то не устраивают умные люди, которые говорят, как лучше жить. Теперь, слава богу, разобрались, догадались, что двадцать лет под хвост коту выбросили. Слава богу, образумились. Спасибо нашему президенту! Признала власть ошибки.

— Бабушка, что вы можете сказать по существу дела? — уже грубо спросил полицейский.

— По существу дела? Нет никакого дела! Научитесь не сильничать людей, а уважать их. Вы кого арестовали? Тех, кто воевал, родину защищал! Они же еле живыми вернулись! Посмотрите на Прохора: у него рука сохнет, а он всей деревне помогает. Мой внук тоже получил своё. Все они инвалиды, а вы над ними измываетесь. А дело-то выеденного яйца не стоит. Ты, сынок, требуешь, чтобы старуха по существу сказала?! Скажу и покажу! Вот они, документы! — потрясла она

бумагой перед носом капитана. — Это документ на покупку станков моим сыном Виктором. Здесь есть дата, номера станков и ООД «Сухой корм», у которого они куплены. А этот мордovorot, — она показала на Шаха, — перекупщик! Спросите все вы, где его документы на эти станки? Их нетути. Он просто прибрал то, что украли у Прохора и до сих пор не нашли. А кто украл? Они же, его дружки. Вот их и ищите, и садите, куда надо, а этих не трогайте.

— Что вы слушаете сумасшедшую бабку? — закричал Шах. — Документы и свидетели у меня есть. Старуха надела на грудь побрякушки и хочет отмазать своих воришек.

— У вас ни стыда, ни совести! — громко крикнул Кирилл.

— Ишь ты, «они были на фронте»! — бесцеремонно продолжил Гаджиев. — Сейчас тысячи людей на фронте — так что, им всё позволено?

— Ты, перекупщик, не муравкай здесь! Виктор, покажи ему доски, пусть попробует отвертеться, — перебила его бабка Серафима.

Виктор Георгиевич вышел вперёд и показал капитану две доски.

— Эти две доски сделаны на одном рейсмусовом станке, — начал он объяснять капитану. — Одна доска сделана три дня назад в мастерской господина Гаджиева, вот номер кассы и оплата, а вот эта — на моём станке полгода назад. Разницы никакой, на обеих досках один и тот же похожий след — небольшая шербинка, оставляющая миллиметровую линию. Я, к сожалению, не поменял лезвие, не нашел подходящее.

— А Гаджиев здесь хвастал, что сделал ремонт, — выкрикнул Кирилл.

— Мои станки были в хорошем состоянии, поэтому Гаджиев сразу пустил их в дело. Это половая доска 28 на 140 мм, она стоит 815 рублей за штуку.

— Так дело не пойдёт! — закричал Шах. — Надо экспертный анализ сделать, а не тыкать полицейскому в лицо какими-то вещдоками.

В этот момент во дворе раздались крики, а следом разрозненно, а потом отчётливо десятки голосов начали скандировать:

— Волкову — свободу! Волкову — свободу! Волкову — свободу!

Командир собровцев стал тотчас кому-то звонить, потом передал свой телефон капитану полиции, и тот, замерев, стал кого-то выслушивать. Затем капитан отошёл в сторону и, видимо, позвонил своему начальству. Минуты через три он вернулся, окинул взглядом всех присутствующих и намного спокойнее сказал:

— Согласно положению судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое, дело считается оконченным, если имущество найдено и пострадавший имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться. Поскольку ни то, ни другое сегодня не установлено, допрос задержанных по делу кражи станков у гражданина Гаджиева закончен. Дело 129/4 по поиску исчезнувших деревообрабатывающих станков в хозмагазине «Майрат» передаётся в Следственный комитет. Все участники следствия по делу 129/4 не имеют права покинуть местонахождение — деревню Кремнёвка — до соответствующего распоряжения. Пока все свободны.

Началось что-то невероятное: Гаджиев принялся кому-то звонить и ругаться, друзья Прохора окружили полицейских и стали доказывать незаконность ареста Тимура Саркисяна и требовать его освобождения. Старуха Серафима стала стыдиться взбесившегося Шаха, и тот под прикрытием собровцев покинул дом. Под крики и свист деревенской толпы он сел в «БМВ» и быстро убрался из Кремнёвки.

Надо заметить, что кремнёвское народное противостояние развернулось хоть и стихийно, но верно. В этом смысле старая мудрость, что только люди в гневе скажут вам правду, оправдалась. Оказывается, Елена вместе с Аней и Виктором Георгиевичем, увидев, что в сторону волковского дома потянулись полиция и СОБР, решили вмешаться.

Первое, что они сделали, это сообщили бабке Серафиме о том, что полиция намерена арестовать её внука и его друзей. Старуха быстро вникла в дело, вместе с Виктором Георгиевичем они нашли главное — документ на покупку станков в ООД «Сухой корм». После этого Елена организовала звонок Кириллу от лица Яны — армянки, у которой товарищество покупало мясо в Тараскове, и уговорила её поддержать соплеменника Тимура Саркисяна. В свою очередь, бабка Се-

рафима и Виктор Георгиевич стали настойчиво обзванивать жителей деревни, требуя общей солидарности. Вскоре в защиту Волкова к его дому потянулся народ.

Вслед за этим бабка вытащила из шкафа свой заветный зелёный жакет, увешанный орденами и медалями, все сели в «Приору» и прибыли к дому Волкова.

Народ бушевал. Люди до конца не понимали, в чём обвиняют Волкова и его друзей, так помогших деревне, но чувствовали главное — совершается что-то несправедливое. Вскоре волнение передавалось практически всем, зазвучали требования пустить от кремнёвцев свидетелей — ветерана ВОВ Серафиму Козлову и её сына Виктора — старосту Кремнёвки. Когда свидетелей пропустили на следствие, народ совсем разбушевался, все стали громко требовать: «Волкову — свободу!»

* * *

Через три часа освободили Тимура, и все принялись праздновать победу. Прохор вместе с Тимуром слетал на мотоцикле в Григорьевское, набрали разных продуктов, приготовили армянскую кюфту — шарики из отбитого и варёного мяса со специями — и устроили «пир освобождения». Вся компания разбилась на пары: Елена сидела рядом с Кириллом, Аня — с Семёном, а Марина Львовна — с Сергеем. Только Прохор и Тимур были в одиночестве.

Ко всему прочему в середине вечера позвонила Лиза и сообщила, что до неё дошли слухи о каком-то народном противостоянии деревни в защиту Прохора и его друзей. Прохор пообещал, что завтра он появится у Нины-химика и всё подробно расскажет.

— А что ты решил с депутатством? — спросила она с каким-то скрытым значением. — Видишь, как народ тебя ценит!

— Завтра поговорим, дело настолько серьёзное, что надо подумать, — уклонился от прямого ответа Прохор.

— Хорошо, думай, но на всякий случай захвати документы, чтобы заполнить заявление о согласии баллотироваться, и обдумай сведения о доходах и имуществе. Кстати, с последним надо быть особенно аккуратным: если ошибёшься, то

про тебя могут написать гадость на избирательном стенде.

— Господи, Лиза, откуда ты всё это знаешь?

— Я с детства люблю анимационные фильмы, недаром ты прозвал меня Дюймовочкой. Особенно люблю фильм «Бездомный бог», кстати, ты на него похож, правда, у героя фильма чубчик. Дело в том, Проша, что для тебя главное — иметь много друзей, а я думаю, что достаточно одного, — одного-единственного на свете. Завтра я тебе этот фильм покажу. Пока!

К концу вечера полной неожиданностью для всех стало сообщение Сергея о том, что он переезжает в Ступино к Марине Львовне.

Марина Львовна, не комментируя эту новость, предложила тост за главную героиню противостояния — бабушку Серафиму.

Позже, когда Прохор провожал Виктора Георгиевича до машины, они вновь коснулись темы выборов.

— Даю голову на отсечение, что вся Кремнёвка теперь проголосует за тебя, — с воодушевлением заявил Виктор Георгиевич. — Подумай, никто твоим планам построить автомастерскую не помешает, а местным людям ты очень поможешь. У нас здесь столько несправедливости, кумовства, коррупции и, главное, инерции! И такой деятельный и смелый человек, как ты, будет настоящей опорой для всех.

— Спасибо, Виктор Георгиевич, за доверие, но для того, чтобы стать депутатом, нужно не только наше с вами желание, но и финансовая поддержка, знание законов и основное — доверие людей.

— Ну, положим, доверие к тебе есть, законы можно изучить, а деньги найдём.

— У кого? Моих и денег моих друзей не хватит.

— А ты не помнишь наш разговор с песочным магнатом Верзиным и его идею сделать для жены профилакторий? Почему бы тебе к нему не обратиться за помощью? Кстати, задумка создать в Тараскове профилакторий очень привлекательная. Да, в Тараскове есть амбулатория, но на приём к врачу записываются за неделю, а вызвать дежурного терапевта на дом практически невозможно. Прохор, подавай документы и начинай комплектовать команду, поверь мне, люди тебя поддержат.

— А как же наш налёт на Гаджиева? Если это узнают, меня прокатят на первом собрании.

— Проша, забей на всё! Поезд ушёл, станки мои — это доказано. Когда надо, я об этом объявлю. Как говорят: «Улыбайся будущему, и оно улыбнётся тебе в ответ».

Однако уже на следующий день все намеченные планы кардинально изменились. Семён ещё с утра доложил Прохору, что «прослушка» дала плохие новости. Оказывается, ему удалось чётко зафиксировать разговор Шаха с каким-то мужиком с пилорамы об организации в его помещении цеха по изготовлению поддонов. В свою очередь, этот неизвестный настойчиво убеждал Шаха: «Лучше купить новые станки и продолжить делать половую доску. Это дешевле, и для работы хватит двух человек». Далее Семён рассказал, что Шах разразился таким матом, такой угрозой в адрес появившейся здесь шайки, что бедный собеседник стал поддакивать и соглашаться со всем, что тот предлагал.

В конце Семён сообщил главное: Гаджиев стал обсуждать с неизвестным собеседником предложенный им план отомстить тем, которые «пришли сюда непрошеными». «Надо сказать им: нет!» — вещал Шах по-русски и повторил по-азербайджански, назвав захватчиков, поселившихся возле Кремнёвки, бандой грабителей.

Этот разговор Семён предложил всем прослушать, комментируя в самых важных местах. В записи главным оказалась та часть, когда человек с пилорамы стал отвечать на своём языке — по произношению скорее таджикском. Когда Шах стал требовать указать срок, когда они сделают то, что он просит, последовал ответ: «На днях! Надо поговорить с ребятами».

— Уверен, — добавил Семён, — Шах нас приговорил и дал на это деньги, поскольку записалась важная фраза: «Уничтожьте их место — добавлю ещё!»

После такого известия в лагере товарищества не стало покоя. К этому времени на всех участках работа шла полным ходом: приехали фуры со строительным материалом, началось возведение домов, и, хоть с опозданием, были посажены все семена и рассада. Наладилось орошение водой саженцев, рядом с бытовками спортсмены организовали культурный досуг, сделали поле с

сеткой для игры в бадминтон. Тем не менее напряжение росло, скрывать от людей возможность нападения на лагерь было невозможно.

Прохор предложил организовать ночное дежурство. Семён, как разведчик, придумал «оборонительный план». Были куплены десятки петард, мощные тактические фотофонари с функцией отражения, а на случай нападения на теплицы приготовили засаду.

Первые две ночи прошли спокойно. Люди на охране менялись, а днём более или менее приходили в себя. Некоторые отсыпались в бытовках.

На третью ночь Семён, дежуривший с Тимуром, позвонил Прохору в два часа и передал всем мужикам, находящимся в бытовках, что от моста через Беспуту в их сторону едут две машины — старый «газик» и «Лада».

Когда машины остановились в трёхстах метрах от теплиц, стало понятно, что люди настроены враждебно. Прибывших было человек десять, в руках они держали биты, вели себя тихо, но настороженно.

Тотчас по звонку все, кто был в бытовках, выбежали наружу и в темноте незаметно переместились по направлению к теплицам, куда двинулась цепочка приехавших. Прохор и Кирилл оказались к ним ближе всех. У обоих были фотофонари, небольшие лопатки для грядок, за плечами Кирилла висел автомат.

Вскоре Семён перезвонил второй раз и приказал готовиться к атаке, и в ту же минуту по периметру молча приближавшихся с битами в руках людей начали стрелять петарды. В одно мгновение — огонь, дым, искры! Всё засверкало и зардело перед глазами надвигающегося противника. Благодаря световым всполохам и разразившейся канонаде защитники разглядели, что нападавшие — таджики... Те же, подкупленные Шахом и готовые на преступление, увидев сопротивление, ошалели от страха и не знали, что делать. Эффект от стрельбы был настолько сильным, что идущие на штурм теплиц вначале остановились, потом попятнулись назад и наконец, крича на своём языке матом, побежали назад к машинам.

Одновременно вся бригада русских, находившаяся в обороне, включив мощные фонари, погналась за убегающими. Крики, мат и раскатистое «ура» совсем перепугали нападавших. Отталки-

вая друг друга, они стали впихиваться в машины. В лучах фотофонарей стало отчётливо видно, что это мигранты, по всей видимости, недавно поселившиеся на краю Тараскова, в бывшем военном заводе, перестроенном ещё в пору министра Сердюкова в пилораму.

Неожиданно Прохор заметил, что со стороны большого, заросшего поля вспыхнул огонь. Сверкнув в одном месте, огонь быстро распространялся, катился широкой полосой в сторону новых посадок. Неделя жарких дней подсушила негнивший сухостой, и он легко горел, подгоняемый ветром. Внезапно вдалеке раздался собачий лай. Стая обезумевших псов, когда-то пригретых здесь китайцами, бросилась к людям спасаться от огня.

Нарастающее тьяканье, крики людей, пронзительный треск горящего сухостоя и тёмное, сверкающее зарницами небо — всё постепенно стало сливаться в единое эхо плачущей беспризорной земли, брошенной здесь в постсоветское время и отчаянно ждущей своего хозяина.

Первым спохватился Сергей. Он позвонил кому-то из знакомых пожарных и настоятельно потребовал, пока не поздно, прислать пожарный наряд в район запущенных полей бывшего колхоза «Красный Октябрь». Инстинктом деревенского жителя, который знает, какие пожары полыхали в районе, Сергей чувствовал беду и пытался убедить, что сельхозпал тянется одной стороной к лесу и это неминуемо приведёт к пожару в деревне Кукуя.

Когда огонь стал подходить к посадкам товарищества и теплицам с рассадой, вдалеке наконец-то завывли пожарные машины. Огонь был близко от теплиц. Пожарные бесцеремонно въехали на распаханый участок и, смяв часть посадок, стали быстро гасить надвигающиеся языки пламени.

Разгорячённый Сергей подскочил к Прохору и стал уверять, что пожар не случайность, его сварганили с той, китайской, стороны, и это дело рук подлеца Ромки и его наёмников.

— Пойми, — дожимал он Прохора аргументами, — мы здесь теперь конкуренты, вот они и решились снести теплицы, спалить нашу землю...

— У тебя, Серёга, как что — китайцы во всех глазах, угомонись, — остужал Прохор разгневанного друга.

Утром, когда все более или менее успокоились и смогли оценивать случившееся, по предложению Елены решили написать коллективную жалобу в Каширскую прокуратуру и администрацию города. К жалобе приложили сфотографированные лица нападавших и записи «прослушки», подготовленные Семёном. Однако после совещания «мушкетёров» от записей разговоров Шаха решили отказаться. Было ясно, что в прокуратуре обязательно возникнет вопрос, как эти записи попали к коллективу товарищества, а главное — каким способом добыты. В жалобу вписали ни к чему не обязывающую формулировку: «по слухам, нападение готовилось людьми Шахина Юсуфовича Гаджиева».

После долгих дискуссий и описания обстоятельств, при которых был совершен бандитский налёт, под жалобой была проставлена дата подачи обращения и личная подпись каждого из членов товарищества. Когда документ был оформлен на ноутбуке, встал вопрос, как его распечатать. Вот тут Прохор вспомнил, что обещал быть у Лизы... Он позвонил ей и, узнав, что у Нины-химика есть принтер, переслал подготовленную жалобу на почту Лизы. Договорившись со всеми членами товарищества, что он лично повезёт жалобу в Каширу, Прохор поехал на мотоцикле к Лизе.

Женщины встретили его с огромной тревогой и сразу закидали вопросами. Оказывается, они тоже были на деревенской сходке, слышали все предположения по задержанию Прохора и его друзей, но постеснялись повидаться после того, как уехала полиция. Лиза уверила маму и Нину-химика, что Прохор обязательно появится у них и сам обо всём расскажет. Многие они уже поняли из присланной жалобы, которую заранее распечатали и по приезде тотчас передали Прохору. Тот пообещал, что приедет ещё, а пока, ответив на самые волнующие вопросы, не теряя времени, отправился в Каширу.

Город Каширу он примерно знал, поэтому, проскочив по центральной Советской улице, он свернул на улицу Свободы и подъехал к одноэтажному зарешеченному дому перед небольшой площадью. Здание Каширской прокуратуры представляло собой плоский, вдавленный в землю дом, от которого остался только один панельный этаж. Если бы не красивая, обрамлённая

золочёная вывеска, то никто бы и не догадался, что это здание Каширской прокуратуры. Однако внутри всё было оформлено по образцу советских времён: впечатляли галерея истории прокуратуры и портреты её руководителей.

Народу было мало. Прохору повезло, как раз был день приёма предпринимателей для оказания им помощи по правовым вопросам. Прокурор работал энергично, и вскоре подошла очередь Прохора.

За столом сидел средних лет, очень худой человек, похожий на молодого Сулова — политического деятеля всех советских времен. Он был в очках, колючие не улыбающиеся глаза хватили человека, как фотографический аппарат, а потом начинался допрос: изучение паспорта и выяснение, какого ранга предприниматель пожаловал.

Отрекомендовавшийся представителем товарищества «ЗАРЯ», Прохор поначалу не вызвал особенного интереса у прокурора. Но когда тот стал читать его жалобу, внимание к нему возросло.

— Мы уже слышали о вашем прецеденте, информирована и администрация города.

— Это хорошо, — подхватил Прохор.

— Не вижу здесь ничего хорошего, такие «иллюзорные начинания», как правило, заканчиваются пожаром.

Прокурор рассмотрел фотографии участников нападения, ещё раз внимательно вчитался в текст жалобы, снял очки и, став при этом менее грозным, задал первый вопрос:

— У вас что, был какой-то конфликт с предпринимателем Гаджиевым?

— Нет, пока конфликта не было, — скрепя сердце, соврал Прохор.

— Тогда почему вы намекаете, что в этом конфликте, в ситуации с пожаром и в столкновении вашего товарищества с таджиками с пилорама заинтересован бизнесмен Шахин Юсуфович Гаджиев? Причём вы пишете «по достоверным слухам». Слухи есть слухи, господин Волков. Недаром Высоцкий писал: «Ходят слухи по домам, / а беззубые старухи / их разносят по умам».

Нельзя же, положим, как у Владимира Семёновича: «Ну, а вашего соседа забирают, негодая, потому что он на Берию похож». Согласитесь,

вешать такую напраслину на уважаемого предпринимателя, которого к тому же городское начальство выдвигает на руководство Колтовского поселения Тарасково по меньшей мере некорректно и необъективно.

Перед выдвижением на должность администрации города Каширы обращалась к нам в прокуратуру для оценки личности Гаджиева. Мы провели объективную проверку: Шахин Юсуфович — честный, законопослушный предприниматель, который много делает для города, в том числе и для поселения Тарасково. Вот у вас недавно отремонтировали дорогу. Кто внёс решающий благотворительный капитал? Гаджиев. Кто для средней школы открыл компьютерный класс? Опять-таки Гаджиев. А то, что он азербайджанец... так это не новость. У нас Бухарин Сталина называл Чингизханом, а этот грузин тридцать лет руководил многонациональной страной и под его руководством мы победили в войне. — Прокурор долго протирал очки, вновь их надел и с какой-то нескрываемой горечью посмотрел на Прохора. — Мы, конечно, дадим ход вашей жалобе, проверим все факты и вам ответим. Но, на мой взгляд, вам надо искать причины конфликта в другой плоскости. Так что думайте, товарищи из артели «ЗАРЯ», не торопитесь обвинять приличного человека. Утро вечера мудренее, трава соломы зеленее...

Выйдя из прокуратуры, Прохор долго не мог успокоиться. Прокурор назвал «патентованного» врага честным предпринимателем, да ещё «приличным человеком»... Это подсказывало Прохору, что Гаджиев так врос в каширское «руководящее царство», что поколебать его будет почти невозможно. Но не таков был Прохор, ретивое начало в нём от оценок прокурора только возросло.

Неподалёку располагалось кафе, и он решил сделать «привал». Выпив кофе, Прохор позвонил в секретариат к Тартарову и напросился на встречу через полтора часа. Возвращаться в Кремнёвку не имело смысла, и он заказал что-нибудь перекусить. Время тянулось медленно. Официантка снова подошла к нему, и он опять заказал кофе. Прохор уже пожалел, что не поехал ненадолго к себе. И вдруг его кольнула одна давняя отложенная идея...

Последняя встреча с Лизой так разбередила его... Она в нем воскресила желание серьёзных отношений, как будто искупительно сбалансировав его прежнее безответственное поведение. И Прохор неожиданно для себя решил сделать девушке подарок. Как правило, такие прозрения у мужчин либо случаются спонтанно, либо под умелым «художественным руководством» женщины. Идея была благородная, он решил подарить Лизе кольцо, точнее — перстень, как знак серьёзных намерений. Проблема была только в том, что он не знал размера её пальца. Бывают ситуации, когда без помощи друзей и близких обойтись не получается. Правда, есть риск, что тайна будет раскрыта. Но риск — дело благородное. Главное на этом этапе — отыскать друга или подругу, который не сдаст. Таким другом для Прохора безусловно была Нина-химик.

Он позвонил ей и шепотом попросил незаметно выведать у Лизы размер её безымянного пальца. Нине-химику с первых слов всё стало ясно, она страшно воодушевилась и, пока он сидел в кафе, перезвонила ему и сообщила, что искомым палец 16,5 размера. Прохор, словно одержимый, тут же помчался в ближайший ювелирный магазин «Аура» на Советской улице. Кольцо с вызывающим и жгучим названием «Пантера» сразу бросилось в глаза и видом, и приемлемой ценой. Нужный размер был в наличии. Прохор купил кольцо и вдруг почувствовал себя счастливым. Лиза, его дюймовочка, не побоявшаяся войны, смело приехавшая к нему в надежде на серьёзные отношения, была им оставлена, практически брошена... И вот после встречи на берегу, после такой незабываемой близости всё вдруг развернулось в другую сторону. Казалось, что кто-то ему нашептал этот сюжет, и главное, он чувствовал: выбор сделан правильный.

Прохор ехал к Тартарову с уверенностью, что вся борьба с Шахом ещё впереди и, став депутатом, он сумеет не допустить Гаджиева к власти, а сам принесет пользу и станет нужен людям, которые так самоотверженно заступились за него и его друзей. Сколько испытаний придётся ему пройти, он не знал, но гнал с невероятной скоростью навстречу судьбе.

Прочитав жалобу, Тартаров надолго замолчал. В выражении его лица появилось что-то сочув-

ствующее, но в то же время мелькнуло сожаление. После долгой паузы Тартаров, быстро перестроившись, сказал:

— Да, нынешний руководитель администрации посёлка Тарасково нас не устраивает, отработывает она последние два месяца и уходит к нам в канцелярию, в кадры. Но появление в руководстве Гаджиева пока не решено, есть ещё два кандидата... Они русские, из этих краев. За Гаджиева, как ни странно, подъём благосостояния Тараскова, а он произошёл под многолетним руководством армянина Гаспаряна.

Скажу честно, за Шахина Юсуфовича хлопочет Москва, ну и здесь, в Кашире, его поддерживают. Наверно, вы знаете, что ремонт дороги субсидировал Гаджиев, и до этого он немало помогал нам в решении финансовых вопросов. Но повторяю: решение ещё не принято. Должна быть принципиальная оценка руководства города. Ну, а если прокуратура найдёт хоть каплю подтверждения того, что ваш коллектив написал, мы тотчас сделаем свои выводы.

Меня интересует другое, Прохор Иванович, почему вы так индифферентно отнеслись к нашему предложению баллотироваться в депутаты по вашему району? Посмотрите, сколько ваших товарищей по СВО сегодня выдвигаются по всей стране на ответственные посты. Чем вы хуже? Тем, что живёте в глубинке, в деревне Кремнёвке? Разве вы не прошли СВО, не ранены, не награждены орденом, разве не участвовали в строительстве дороги в родном Колтовском районе? К тому же не забывайте: если вы станете депутатом, то Гаджиев не сможет навредить процветанию посёлка Тарасково. Любое негативное явление или действие вы, как депутат, сможете дезавуировать, отменить и, разумеется, предложить своё. Мы так рассчитывали на вас, Прохор Иванович, а уже прошла почти неделя после нашего разговора и поддержки старосты Кремнёвки, а вы до сих пор не подали документы. Конкурентом у вас будет скорее всего один человек — механик из ООД «Сухой корм» Михаил Яковлев. Здешний, работал ещё при Гаспаряне.

— Что я должен сделать? — решительно спросил Прохор.

— Как что? Мы же говорили! — радостно ожил Тартаров. — Возьмите формуляры, за-

полните их здесь или перешлите по почте, я вам электронный адрес дал. И начинайте кампанию по выдвижению Волкова Прохора Ивановича в депутаты!

— Где взять формуляры? — с готовностью спросил Прохор.

— Сейчас! — обрадовался Тартаров и вызвал секретаря: — Светлана Павловна, прошу вас помочь Прохору Ивановичу Волкову, нашему фронтовику и герою, подготовить документы для выдвижения в депутаты.

Когда все бумаги были оформлены, Прохор вышел из офиса администрации с чувством, что столь желанные надежды Тартарова теперь стали его бременем. Но вдруг он вспомнил старую притчу своего бати: «Закон деления прост: раздели свою ношу с близким, и она уменьшится».

Близкие его находились теперь у Нины-химика, поэтому Прохор быстро завёл свой драндулет, торчащий между приличными машинами, которыми обзавелись за последние годы областные владельцы. По дороге заскочил в булочную, купил торт, а на выезде из Каширы заметил блёклую вывеску магазина «Цветы». Выбрал букет ирисов, который смог уместиться в багажнике «Явы», и полетел, счастливый, решительный, на девятнадцати лошадиных силах в Кремнёвку.

Прохора ждали, ворота были распахнуты, и он по привычке выпендрился — поставил мотоцикл носом «на взлёт». Достав торт и цветы, Прохор торжественно предстал перед необыкновенно наряженными женщинами. По их виду он понял, что о его намерениях они знают, но от этого ему стало только веселее и радостнее.

Под яблоней был накрыт стол, вкусно пахло едой, и, помимо домашнего вина, в центре красовалось шампанское. Наличие шампанского Прохора окончательно убедило: Нина-химик хоть частично, но проговорила. Передав торт хозяйке, он оставил цветы у работающего фонтана и пошёл вымыть руки. Возвращаясь из ванной, он всё-таки укоризненно взглянул на хозяйку дома и на праздничный стол. Но Нина-химик, уловив укор, пожала плечами и чуть покачала головой, что должно было означать: тайну она соблюдает.

Открыв шампанское и разливая его по бокалам, Прохор заметил напряжение Лизы: она то

внимательно следила за Ниной, то не сводила глаз с него.

«Вот ведь женская интуиция, — подумал он, — видно, что Лиза что-то предчувствует. А я хо-рош, напускаю пургу и делаю вид, что ничего не происходит». Наконец он сказал себе: «Не надо её мучить, пора быть решительным!» Этот приказ возымел действие, он встал во весь свой немалый рост, выпрямился, убрав привычную сутулость, и, оглядев всех, начал:

— Начну с анекдота, он заменит долгие прелюдии, но объяснит всё, что я хочу сказать. К нашему товарищу из взвода «коробников» приехала девушка, на которой он обещал жениться. Деньги у него были, но ювелирного магазина рядом не было, тогда ему стали советовать разную всячину, но он хотел так поклясться в любви, чтобы она поверила. Наконец сообща придумали. Собра-лось нас человек шесть, и он, встав на колени, протянул ей придорожный цикорий и рассказал вот такой анекдот.

«Милый, давно хотела тебя спросить, почему на моём помолвочном кольце стоит гравировка «ВВ»? Я же Анна Алексеевна Павлова?» — «Как ты сказала? ВВ? Вспомнил! Это значит «Вместе на-Всегда!»»

В этом анекдоте мне нравятся только два слова: «вместе» и «навсегда». Лиза, здесь рядом твоя мама — Аксёна Олеговна, её подруга — Нина Петровна, они сегодня будут свидетелями того, что я скажу тебе. Я принёс тебе подарок. — Прохор достал из нагрудного кармана коробку с перстнем, взял мокрые от брызг из фонтана ирисы, отряхнул их и, встав перед Лизой на колени, сказал: — Лиза, я прошу тебя быть моей женой, жить вместе и навсегда.

Перстень «Пантера» оказался впору. Лиза вспомнила, как тётя Нина попросила примерить её кольцо с камушком, подаренное мамой к восемнадцати годам, лукаво улыбнулась ей. На негромкое «сладко!», произнесённое мамой, она прижалась к Прохору и поцеловала его.

В одно мгновение всем стало легко, радостно, и женщины принялись потчевать Прохора разными угощениями. Пережив в поездке много разных эмоций, он и впрямь проголодался. Попробовал все салаты, в том числе селёдку под шубой. Потом Нина принесла большой поднос, а на

нем — мясо с сыром по-французски, приготовленное в духовке.

Позже включили магнитофон, и молодые потанцевали среди клумб, окружающих небольшую площадку рядом с крыльцом.

Когда Прохор сообщил, что подал документы на баллотирование в депутаты, начался второй этап вечера: провозглашались тосты за будущего депутата. Даже рассказ о неприятной встрече с прокурором не испортил общего веселья.

Нина решила и от себя внести вклад в общий праздник. Она заговорила не только о важности помолвки, но и о новом статусе Прохора и его невесты.

— Между прочим, Прохор, я неслучайно при-готовила сегодня мясо по-французски. Мой Саша был большим франкофилом, поклонником Шарля де Голля. Его настольной книгой была книга де Голля «Жизнь, политики, уступки», а девизом — высказывание: «Тот, который сможет непоколебимо действовать, в результате будет победителем и не только в событиях, но и в глазах толпы». Тебе, Прохор, надо прекращать гонять на своей «Яве». Ты теперь кандидат в депутаты, отныне будешь на виду, каждый шаг станет заме-тен, поэтому тебе следует: первое — обзавестись машиной, а второе — пусть жена и тёща следят за твоим гардеробом.

— Нина Петровна, если вы ещё предложите мне обзавестись личным водителем, то я точно никогда не буду избран.

— Нет, водитель тебе не нужен, ты сам пре-красно водишь машину. Он на моей «Вольво» уже ездил, — похвастала она женщинам. — Так вот я предлагаю временно, пока не купите свою, ездить на Сашиной машине. Продавать её я не собира-юсь, это память о нём. Правда, его «Ситроен» пол-тора года как стоит в гараже, и я не знаю, сможешь ли ты вернуть его к жизни.

Прохор и раньше не раз делился с Ниной Пе-тровной задумкой об открытии своей автома-стерской, а тут, услышав такое предложение, нешуточно завёлся. Нина Петровна взяла ключи от гаража и машины, и все пошли смотреть «Си-троен».

Оказалось, что машина заводиться не хочет.

— То ли в баке нет бензина, то ли сдох аккумулятор... — со знанием дела сказал Прохор. —

Если бензин есть, — добавил он с вызовом, — то за десять минут я эту французскую красавицу заведу и прокачу мою невесту по ближайшей округе. Договорились?

— Да хоть до утра, лишь бы Сашина машина ожила.

Сказано — сделано. Он попросил провода для прикуривания. Нина вспомнила, что они есть, но остались в Москве. Тогда Прохор порывлся в гараже, нашёл многожильный провод, пристроил зажимы и провёл кабель из «Вольво» в «Ситроен». Затем началась магия: Нина завела «Вольво», Прохор посмотрел на застывших в ожидании Аксёну Олеговну и Лизу, повернул ключ — и «Ситроен» завёлся. Посмотрев на датчик уровня топлива, радостно сообщил:

— Есть, почти полбака! — Через пять минут после прогазовки скромно стоявший в стороне на «вечной стоянке» «Ситроен» выехал из гаража. Прохор ловко развернул машину на небольшой поляне рядом с воротами и под аплодисменты женщин вышел из машины.

На всякий случай перед отъездом Нина Петровна быстро оформила Прохору доверенность на машину, пообещав завтра её заверить у нотариуса.

Дорога была бугристой, крупный щебень перекатывался под колесами «Ситроена», но Прохор сразу почувствовал хорошую подвеску, а оранжевый салон, зеленоватый цвет машины и широкое лобовое стекло, дающее хороший обзор, так обрадовали его, что он непривычно аккуратно добирался до хорошей дороги. Вскоре они переехали мост через Беспуту и направились к строящимся домам, где толпилось много народа. По дороге он увидел, что весь бедлам — раскоряченная земля, смятые посадки и следы колёс, оставленные пожарными ночью, — прибраны, и большинство посадок уцелели.

«Замечательный народ собрался», — подумал он. Вспомнил злобную цитату из одного «писания», врезавшуюся в память как клещ: «Русские люди (в массе своей) ненавидят, презирают и боятся друг друга. И на эту неизбывную сердечную тягость навалилась свинцовая доска окаянной власти». «Не хотим серьёзного!», «Не хотим сложного», «Не хотим большого!». «Хотим сладких помоев!» «Ну, а уж коли о серьёз-

ном, так чтоб — подделка, чтоб не трогала и не ранила...»

«Нет, ложь это! — сказал Прохор сам себе. — С таким народом надо жить душа в душу, не врать друг другу, не клясться в вечной любви, а любить посылно и уметь прощать, если оступишься».

Когда Лиза увидела, в какую большую компанию он её везет, она стала нервничать и несколько раз задала один и тот же вопрос:

— Мы сюда надолго?

— Надолго, — ответил он и улыбнулся. — Здесь, Лиза, наши друзья, не волнуйся. Помнишь, что я тебе сказал?

— Ты сказал: вместе и навсегда!

— Вот поэтому не волнуйся и не бойся ничего. Это хорошие люди, наши новые друзья.

Когда Прохору удалось подъехать ближе к площадке, организованной около одного из строящихся домов, к «Ситроену» стали стекаться люди. Выйдя из машины, он удивился, что ему с Лизой устроили овацию. «Неужели узнали о помолвке?» — подумал он, но стоявший впереди Виктор Георгиевич, пожимая ему руку, опроверг это предположение.

— Прохор, поздравляем! Мне позвонил Тартаров и сообщил, что ты подал документы на депутатство. Просил всячески тебе помогать. Я не удержался, приехал сюда и поделился с людьми, что у нас теперь свой кандидат.

— Прохор Иванович, — вдруг на «вы» обратился Кирилл, — как наши дела? Народ весь день ждёт, когда на горизонте появится «Ява». А вместо мотоцикла — «Ситроен» и молодая очаровательная девушка. Как это понимать, товарищ кандидат?

— Это Лиза, моя невеста, — уверенно сообщил Прохор. — Что касается нашей жалобы, то всё в порядке, она передана по назначению. Я был у прокурора и у заместителя главы администрации Каширы.

— У Тартар-р-рова? — кто-то с раскатистым «р» выкрикнул фамилию заместителя администрации.

— Да, у Тартарова. С обоими начальниками я говорил, оба обещали разобраться, и будем ждать результатов.

— А откуда «Ситроен»? Подарок невесты или

такому кандидату сразу выдали западный раритет? — подала голос Елена.

— В связи с помолвкой получил машину от соседки по доверенности, — с улыбкой признался Прохор.

Раздались аплодисменты, и тут же кто-то громко крикнул:

— Прохор Иванович, надо проставиться!

— Я не против. — Он открыл заднюю дверь машины и, достав полуторную бутылку домашнего вина, выкрикнул старую хохму: — «Алкоголизм не спорт для зрителей. В нём участвует вся семья!»

На что Тимур, выйдя на передний план, сообщил:

— Уважаемый жених и «кандидат» по совместительству, у «дона Корлеоне» — Кирилла и Елены — волшебного напитка для «всей семьи» в бытовке — вагон и маленькая тележка. Предлагаю развести костёр и, как герои «Робинзона Крузо», прыгать через огонь.

Все радостно с аплодисментами встретили предложение Тимура. Вскоре в центре площадки запылал костёр, запахло подогретыми на огне говяжьими консервами. Зазвучал баритон Димы, потом и остальные подхватили старую, когда-то любимую песню «Одинокая гармонь».

День шёл на убыль, надвигались сумерки. Рядом была любимая деревня Кремнёвка, река Беспуга, и всем передалось то, что исстари роднит достойных потомков Адама и Евы, — теплота и сердечность человеческих отношений, близость родных людей. Лиза, приехавшая сюда посторонней и испуганной, вдруг почувствовала, что она среди этого братства совсем не чужая, а своя, близкая и желанная.

Песня летела и была слышна далеко за деревней, на дороге, которая вела в Москву.

Затянули куплет:

*...То пойдёт на поля, за ворота,
То обратно вернётся опять,
Словно ищет в потёмках кого-то
И не может никак отыскать...*

На этих строчках все включились так мощно, так верно, что стало ясно: эти люди объединились не только силой братства, содружества и то-

варищества, а чем-то иным — тем, что называют Божьим благословением.

Улучив подходящий момент, Прохор шепнул Семёну, чтобы ребята и Виктор Георгиевич собрались на первом этаже строящегося дома. Все пришли быстро, только Тимур, подыгрывающий на гитаре, остался у костра.

В доме присесть было негде, все стоя окружили Прохора в ожидании важных известий. Прохор осмотрелся и, плотнее прикрыв дверь, спросил Виктора Георгиевича, когда звонил ему Тартаров.

— Ещё с утра, около одиннадцати. Я даже удивился, что тебя так долго нет.

— Да-да, было около одиннадцати. Я как раз тогда от прокурора приехал к Тартарову. И догадайтесь, что я узнал...

Возникла пауза, словно Прохор стеснялся сказать.

— Прохор, кочумай, тяни, но не затягивай, — цапнул его Кирилл.

— Виктор Георгиевич, ребята, руководство города Каширы хочет назначить главой нашего района и посёлка Тарасково Шахина Юсуфовича Гаджиева.

После сообщения Прохора раздался такой мат, что люди, находящиеся на площадке, с удивлением уставились на окна первого этажа.

Только через паузу ошеломлённый Кирилл воскликнул:

— Что ...! С какого бодуна? Он же устроит здесь турецкий султанат!

— Кирилл, к сожалению, это так! Это правда! Я слышал своими ушами от Тартарова. При этом он говорил очень уверенно, как о решённом деле, что руководство города такое назначение поддержит. В сущности, Шах у них свой, очень полезный человек. Знаете, на чьи деньги ремонтировалась дорога?

— На чьи, неужели на его? — спросил Семён.

— Да, на его! Он дал миллион рублей на ремонт нашей дороги. Получилось, что мы ему сами прокладывали красную дорожку к власти в районе. Ко всему прочему, он — местный филантроп, в Тараскове в школе сделал компьютерный класс. Но самое страшное, что и прокурор, и замглавы города — за него. Шах всех купил! Виктор Георгиевич, сколько осталось нынешней главе Тараскова?

— Королькова — до сентября, но она не собирается уходить. Кстати, в последнее время в посёлке стали её поддерживать: закончила ремонт клуба, ещё один детский сад открыла.

— То, что Королькову стал поддерживать посёлок, это хорошо, но народ начальников не назначает. Народ решает, быть депутатом или нет. К тому же об уходе Корольковой Тартаров говорил мне тоже как о решённом деле. — Прохор замолк, хотел открыть окно — в комнате было жарко, но не решился. — Ясно одно, — продолжил он, — через два месяца Гаджиев вступит в должность, снова устроит налёт, но теперь лучше подготовленный, и о нем мы заранее не узнаем. Не каждый день он будет советоваться у «прослушки». Уверен, снова «случайно» загорятся посадки товарищества и наверняка снова займутся нами. Такие люди, даже проиграв, не останавливаются, они мстят.

— Прохор, есть выход, — уверенно заговорил Виктор Георгиевич.

— Какой?

— Надо сделать всё, чтобы Гаджиев не был назначен. Ты хоть и говоришь, что народ ничего не значит, а по мне — значит. Я этот посёлок больше полувека знаю, если он упрётся и если у него ещё будет свой депутат, то никакой Гаджиев здесь не пройдёт.

— Проша, признайся, ты из-за Гаджиева в депутаты подался? Ты же хотел автомастерской заняться? — подал голос Кирилл.

— Я сам не пойму, как это получилось, — признался Прохор, — когда услышал, куда Гаджиев целит, сразу дал согласие Тартарову. Ребята, Виктор Георгиевич, нельзя ему командовать районом и посёлком, он нам враг. Товарищество он угробит, выживет отсюда нас всех. У него здесь есть свои любимцы. Надо бороться, ребята, один я не справлюсь, если даже меня выберут депутатом.

— А ты не один, Прохор. Вон сколько народа за окном, — уверенно заговорил Кирилл. — И Тимур будет с нами, и все деурбанисты, и наши бабы рядом. Елена предложила нам с Семёном охранниками здесь работать, мы согласились. Единственная проблема, нам нужно на несколько дней с Семёном, Аней и Еленой смотаться в Воронеж. Надо домашних повидать, уволиться и по возвращении — мы с тобой. Да, Семён?

— Кира, чего темнишь? Прохор, мы оба решили жениться. В Воронеже родители — пусть одобряют. Кстати, ты первый почин сделал, вот и мы за тобой.

— Поздравляю, молодцы, что решились, — Прохор пожал ребятам руки.

— Но уговор дороже денег: в Воронеже женитесь, а здесь отметим. Идёт?

— Я Аньке обещал, — подхватил Семён, — как вернёмся, здесь среди своих отпразднуем.

Кирилл обнял Прохора и, показав свои руки, сделал такой жест, которым пугал на допросе Гаджиев:

— Прохор, не сомневайся, мы, как говорил мой дед, этому Гаджиеву такую жизнь устроим, что и сердцу будет больно, и горю нет конца.

Неожиданно раздался стук в дверь, и на пороге появились три красавицы — Елена, Аня и Лиза.

— Вы что тут мальчишник устроили, заговор плетёте? — закричала Аня. — Все танцевать хотят.

Они подхватили мужчин под руки и повели к костру, где Дима пристроил магнитофон и включил вальс Георгия Свиридова «Метель». Несколько пар уже кружили на площадке, и они охотно присоединились к танцующим.

* * *

Лето в Кремнёвке выдалось замечательным. Солнце было нежарким, но плодотворным. Сажены бойко пошли в рост и в поле, и в теплицах. В теплицах вообще всё радовало глаз: по всей длине посадок, подвешенных веревочными креплениями, глазели колючие огурчики, полезли укроп и петрушка. Поливной воды было достаточно, все по графику обязаны были следить, чтобы посадкам хватало влаги.

В товариществе постепенно приноровились и работать, и отдыхать. Уже не сталкивались в спорах, когда приходила очередь заселяться в выходные дни. Никого не обделяли, каждый знал, что место для него найдётся. Два двухэтажных дома-гостиницы в выходные дни были заполнены, жили весело, хозяйствовало по очереди. Быт постепенно налажился, ссорились всё меньше, привыкли жить организованно, почти общиной.

Семён и Кирилл в Воронеже женились. Кирилл даже обвенчался с Еленой. По возвращении оба бывших солдата стали охранять разросшееся хозяйство. Аня почти всё время была с Семёном, снимала фильм о работе и жизни товарищества, готовила диссертацию. Елена продолжала работать биологом в научном центре в Москве, но в пятницу Кирилл забирал жену, и они в субботу-воскресенье находились в товариществе.

Вскоре Елена Прекрасная забеременела, сдала московскую квартиру и уже постоянно жила с Кириллом на первом этаже дома-гостиницы. Решением собрания им выделили две комнаты, так как Елена по-прежнему занималась бухгалтерией, держала связь с банком, исправно оплачивала все обязательства товарищества. Её работа всегда была оплачена. К счастью, паевых денег на охрану, технику, учёт и канцелярию хватало. Правда, в банке за товариществом числился большой льготный кредит, но постепенно и он выплачивался.

Нападение таджиков научило всех быть начеку, особенно в ночное время. Прохор через две недели съездил в прокуратуру: виновных в пожаре не установили, а двух таджиков, попавших в фотообъектив, убрали с пилорамы и затем отправили домой.

Прохор и Лиза отпраздновали свадьбу в Кашире. Сразу после загса на Садовой, где Аксёна Олеговна не удержалась и всплакнула, вся многочисленная компания, приветствуемая прохожими, с морем цветов отправилась в ресторан «Садко». По протекции Тимура Рудик Гайкович — хозяин ресторана, в котором Саркисян начал работать поваром и перетащил официанткой свою Наташку, на свадебное торжество выделил особый зал, где поместились все родственники Аксёны Олеговны и Лизы, а также друзья Прохора. Свидетелями бракосочетания от Прохора был Кирилл, от Лизы — Нина-химик.

В этот раз Тимур превзошёл себя. Свадебный банкет был подготовлен на высшем уровне. На столе стояли всевозможные закуски в виде разных салатов, канапе, холодных и тёплых яств. Затем были предложены долма и женгялов хац, а через полтора часа было подано главное мясное блюдо армян — тжвжик — жаркое из субпродуктов со специями, зеленью, овощами и острым, для лю-

бителей, перцем. Свадьба прошла весело, сытно, много пели, а в конце доброжелательное каширское такси поочередно развезло гостей по домам.

Через два дня, забрав свои вещи в Москве и переведясь на заочное отделение, Лиза переехала в Кремнёвку в дом Прохора. Казалось, всё входило в свою колею. Сергей переехал жить в Ступино к Марине Львовне, и теперь они навещались в Кремнёвку по выходным.

У Виктора Георгиевича тоже произошли серьёзные изменения. На отдыхе по путёвке в Геленджике он встретил женщину, с которой познакомился ещё во время службы в армии в ракетных войсках, и старая любовь воскресла. Марина — красивая, ладная женщина появилась в его доме как оберег, и теперь он выглядел ухоженным и счастливым. Это не мешало ему, как и раньше, помогать своим соседям и по первому зову приходить на помощь.

Изредка он навещал весовую и, найдя свои станки на месте, ждал удобного случая, чтобы их вернуть. Вскоре такой случай представился. Сотрудники ООД «Сухой корм» начали в конце июля делать первую копку ранней картошки и, заполнив грузовик, решили взвесить собранный урожай.

Понадобилась весовая.

Когда её очистили от разного мусора, обнаружили станки, пропавшие у Гаджиева. Поднялся шум, полиция стала обвинять руководство ООД, но неожиданно миролюбиво повёл себя сам Гаджиев. Он признал документы Виктора Георгиевича действительными и правомочными, отказался от своих прав, так что кое-кто в посёлке стал звать о нём положительно. Виктор Георгиевич перевёз станки к себе и взялся закрывать сваи фундамента, вначале — оструганной половой доской, а затем стал крепить фанеру с имитацией под кирпич.

Вскоре объявленные кандидаты в депутаты от сельского поселения «Колтовское — Тарасково» Михаил Яковлев и Прохор Волков были утверждены избирательной комиссией, и их портреты появились на центральной улице посёлка. Началась предвыборная борьба.

Газета «Каширский курьер» дала большой материал о Прохоре Волкове, написанный бывшим её редактором. Публикация весьма остро и неожиданно представила молодого кандидата в депутаты. В центре разговора оказалось сравнение Великой Отечественной войны со специальной военной операцией и роли командования в этих вооружённых конфликтах. Вот как ответил Прохор Волков на поставленные ему вопросы:

— Во-первых, эти войны нельзя сравнивать. У специальной военной операции другие цели и обоснования, другое вооружение и средства доставки. В Отечественной войне освобождали территорию СССР, целью был разгром гитлеровской Германии, государства-агрессора, уничтожение нацистской идеологии. У военной операции цель другая — остановить НАТО, подступившее вплотную к Российской Федерации, а также разгромить бандеровские нацистские формирования, вскормленные Западом на Украине.

Сегодня СВО обладает более развитой технологией разведки и корректировки огня, одни дроны чего стоят. Сейчас у нас лучшие танки в мире, особенно танк Т-90М «Прорыв». Как техник-танкист, могу сказать, что это супербоец с комбинированной противоснарядной бронёй, сделанной из стали повышенной твёрдости, танк со сталемодульной защитой третьего поколения.

Во-вторых, по численности и масштабу это разные войны. Во время той войны в армию призвали десятки миллионов мужчин, была отечественная война, сегодня — гибридная война, мы воюем не только с Украиной, а практически с НАТО. Это ответ на первый ваш вопрос.

Теперь по второму вопросу: в обсуждении командования я не принимал участия, у меня не было времени. Мы с ребятами иногда пели вместе, а говорили в отдельности. Я находился на скромном положении во время СВО, в мою задачу входило возвращение в строй подбитой техники, но роль командования каждый из нас чувствовал и старался ответственно выполнять свои обязанности.

На вопрос: «Что вам удалось сделать на своём месте?» Прохор ответил:

— Мне посчастливилось вернуть в строй более двадцати танков разных модификаций, к тому же я ремонтировал багги, «буханки», пикапы,

гражданские машины. Во время боевых действий оказалось, что для СВО не хватает небольших машин. Ими я тоже занимался, поэтому сейчас мечтаю открыть свою автомастерскую.

— Вы были ранены во время освобождения Авдеевки, — задала вопрос журналистка, — и получили орден Мужества, как это случилось?

— Надо было вытащить танк модификации Т-80, застрявший после рейда в «серую зону». Мне приказали с ещё тремя танкистами его возвратить в наше расположение. Пришлось под обстрелом отремонтировать танк и вывезти его из «серой зоны». При возвращении я был ранен и вскоре был комиссован.

— Как вы сейчас себя чувствуете?

— Я женился и чувствую себя хорошо.

Неожиданно по ходу интервью возник вопрос о роли Сталина:

— Сравнивают ли солдаты главнокомандующих той и этой войны? — задала вопрос журналистка.

— Нашего главнокомандующего мы видим часто, но воспринимаем его больше как президента. Сталин существует в сознании как миф, и это делает его по-прежнему живым. Он не прошлое, он будущее. Оставим тему репрессий (на то «император» и «красный»), о ней и без того написано много. Но что страна получила в итоге? В высшей степени работоспособную вертикаль власти. Динамично развивающуюся экономику мирового уровня, многие наработки которой мы «доедаем» и сегодня. Лучшую в мире армию. Космос, атомный проект и т. д. Спросите себя: возможно ли было бы всё это без жёсткой централизации власти в руках человека, реально работавшего на страну, а, например, в формате «парламентской республики»? Очевидно, нет. Как и победа в Великой Отечественной войне тоже была бы невозможной. Сколько продержалась против «авторитарного» Гитлера та же «демократическая» Франция? Полтора месяца! Каковы были шансы устоять перед вермахтом у тех же США, не отделить их от Германии моря и флот? Ответ очевиден. За Сталина на фронте шли в бой, его боялись, Путина не боятся — его уважают. Кстати, на СВО мы больше боялись генерал-полковника Мордвичёва, не было солдата, который не знал бы его по имени-отчеству.

— И какое же отчество генерал-полковника Мордвичёва?

— Алексей Николаевич.

— Вы видели его?

— Видел, на фотографии.

— Вы сказали, что Сталин — уникален. Предполагаете, народ ждёт «нового Сталина»?

— Нет, «нового Сталина» быть не может, но чем больше о нём молчат, тем более великим и грозным он становится. То, как он скромно жил, сколько знал и читал, какое впечатление производил своей личностью, одним словом, всё лучшее, что в нём было, — это пример сегодняшним руководителям, худшее мы и без того знаем. К сожалению, власть, даже власть над небольшим обществом, особенно власть оплачиваемая, — это великий соблазн для духовно неразвитых людей. Власть может развратить любого, даже изначально хорошего человека. Кроме того, умные люди, понимая ответственность руководителя, далеко не всегда стремятся занять руководящие места. Падение советской власти и СССР произошло из-за того, что мы не сумели преградить путь к власти тем, кто, грубо говоря, «рылом не вышел». Вспомните Хрущёва, увидишь его на экране — до сих пор оторопь берёт. Сейчас, я считаю, в руководстве нужны люди другого типа. Какие? Это когда работа лучшего лидера выполнена, а люди говорят: «Мы это сделали сами».

— А разве не сегодняшние руководители ведут страну к суверенитету и к победе?

— Да, наша победа близка, и от того, как люди будут жить после победы, зависит главное — станет ли Россия великой страной или все жертвы опять были напрасны.

— А что сегодня мешает нашей стране быть великой?

— Плохое прошлое.

— Позвольте, но мне всегда казалось, что у нас великое прошлое, — возразила журналистка.

— Уточняю, прошлое — при Горбачеве и при Ельцине. Именно в это время развелись деятели вроде Чубайса. Уехал, наплевал с высокой горы на всё руководство, а в ответ — тишина! Его даже на границе не задержали. Как в анекдоте: «Если плюют в спину — значит, ты впереди». Говорят, хочет вернуться, преподаёт Западу, как это сделать. Скажу прямо и без прикрас: надо всем им

воздать «по заслугам» за воровство и предательство, за разрушенную экономику, кризис российской демографии и издевательство над народом. Уверен, что после СВО до них доберутся, иначе лучшей жизни не будет. Однако главное слово сегодня уже произнесено — «империя». И это — первый шаг к осознанию себя и того, чем должна стать Россия будущего. Ибо всё-таки, как известно, «в начале было Слово».

— Позвольте в конце нашей беседы задать вам последний вопрос: вы обмолвились о России будущего. Ваше товарищество «ЗАРЯ» — это прообраз будущего?

— С моей точки зрения — да! Во-первых, почему такое название — «ЗАРЯ». Это расшифровывается так: «ЗАРЯ» — здоровье, альтруизм, радость, ясность. Что погубило СССР? Насилие, расправы, гостеррор. Положим, председатели колхозов зачастую злоупотребляли властью, а рядовой колхозник при этом ничего не решал, поэтому он и стал относиться к колхозу как к чему-то никому не принадлежащему. Мы видим возрождение России в другом — через пример устойчивого, самокупаемого, справедливо управляемого многоравнолидерным, безоплатным Советом старейшин, сообщества единомышленников. Это экопоселение счастливых, дружных и здоровых людей-созидателей, на основе артельного труда, взаимопомощи и взаимовыгодного обмена энергией, ресурсами и результатами труда. Поселение — товарищество, распространяющее опыт здорового общинного жития на всю Россию.

* * *

Интервью Прохора Волкова произвело впечатление и на жителей посёлка, и на начальство города Каширы. Журналистку, в своё время снятую с должности главного редактора за чрезмерную самостоятельность, снова критиковали, теперь за излишний акцент в статье на роли Сталина. Прокурор города при встрече бросил ей:

— Сколько вы ни бейтесь со своим Сталиным, а Волгоград стоит и будет стоять.

Чьими-то стараниями несколько экземпляров газеты оказались в товариществе. Большинству интервью Прохора понравилось. «Грамотный парень этот Волков», — признали многие. Аня сфо-

тографировала текст интервью в газете и незаметно сделала видео Прохора для своего фильма. Стало очевидно, что авторитет Прохора Волкова заметно вырос.

В начале августа по посёлку прокатился слух, что Гаджиев хлопочет об установке памятника Сурену Гаспаряну, бывшему директору совхоза-миллионера в советское время. Это сообщение сразу всколыхнуло посёлок. Отношение к Гаспаряну было разное. В лучшие советские годы он был на высоте, но в последний период существования совхоза и страны директор под разными предлогами сбыв на сторону много земли и техники, за бесценок продал скот и на всём заработал громадные деньги. Позже хотел уехать за границу, но не успел — умер.

Не все знали подробности этих сделок, время было такое, что всё трещало по швам, каждый спасался как мог. Родственники директора после его смерти всё прибрали к рукам и уехали в США.

Прохор, включившись в агитационную работу и перемещаясь «от двери к двери», стал ближе знакомиться с обитателями посёлка, всё больше узнавал об их жизни и в конечном итоге понял, как на самом деле работал, а главное, как закончил свои дни бывший руководитель совхоза. Встретившись в Кашире с Тартаровым на одном совещании, посвящённом предстоящим выборам, он прямо заявил, что многие тарасковцы против памятника Гаспаряну. Тартаров, наоборот, стал горячо поддерживать идею Гаджиева.

— Смотрите глубже, Прохор Иванович. Гаджиев — азербайджанец, а поддерживает армянина. В то время, когда два народа столкнулись из-за Карабаха, когда два руководителя терпеть не могут друг друга, Гаджиев находит компромисс. Поймите, господин Волков, памятник будет напоминать нам и о дружбе народов, и об умении помнить в лучших людях — лучшее. вспомните китайцев, какая правильная оценка у них Мао Цзэдуна: 70 процентов — хорошо, 30 — плохо!

— А что же мы Сталина так не оценили? — с обезоруживающей улыбкой спросил Прохор.

— У китайцев все — ханцы, даже если их речь совершенно друг другу не понятна, мы — другое дело, в нашей истории страной руководили разные лидеры по национальности, но власть была одна и та же.

— Чья же? — лукаво продолжил Прохор.

— Тех, кто умнее и сильнее. вспомните большевиков, приехали в заплombированном вагоне всего 29 человек, а были у власти семьдесят три года.

Через несколько дней случилось небывалое событие: все портреты кандидата в депутаты Прохора Волкова на центральной улице посёлка Тараскова были сорваны или залиты краской. В посёлке с чьей-то подачи пошла сплетня, что в Тараскове — «карабахский кризис». Портреты Прохора сделали заново, установить помогли ребята из товарищества, но резонанс был неприятным. Только сейчас Прохор окончательно понял, что отныне борьба с Шахом будет до победного конца.

Тем временем Гаджиев добился своего. Вскоре в центре посёлка в торжественной обстановке на месте будущего памятника была заложена плита с заверением Гаджиева, что в самый короткий срок здесь будет установлен монумент в память «о директоре и орденоносце Гаспаряне». По этому случаю в клубе был устроен приём, где жителей посёлка вволю угостили спиртным, азербайджанским шах-пловом и сладкими пирожками — кутабами.

Однако через два дня случилось загадочное событие: поставленная Гаджиевым плита исчезла. Его «янычары» подняли шум, устроили в посёлке целое расследование. Но тут до разъярённого Гаджиева докатился слух, что, скорее всего, это Волков с компанией ночью выкрали плиту и сбросили её с моста в речку Беспуту. Гаджиев вызвал водолазов. Они долго искали под мостом плиту и наконец нашли разломанной ровно на две части. На одной части плиты было начало фамилии — «Гас», на другой — «пар», конец фамилии — «ян» — вообще исчез. То ли смыло течением, то ли при падении плита зацепилась краем за автодорожную железобетонную балку.

В тот же день Гаджиев с двумя охранниками нашёл Прохора на участке в канцелярии Елены. Двери бытовки оказались не заперты, народу рядом было немало, но Гаджиев, не стесняясь присутствующих, с криком набросился на Прохора:

— Слышишь, ты, саймазлик, кто из твоих уродов украл памятную доску? — он ткнул рукой в сторону Кирилла и Семёна, находящихся в метре

от него: — Тот или этот корявый? — указал он в сторону Кирилла.

Кирилла словно обожгло огнём. Не раздумывая, он длинной рукой дотянулся до головы Гаджиева и врезал ему изо всех сил. Что тут началось! Правильно говорят: «Самые лучшие друзья — друзья на войне». Силы были почти равные — трое на троих, но «мушкетёры», встав в стойку бок о бок, сразу лишили уверенности ворвавшихся наглецов. А когда Семён, несмотря на тесное помещение, провёл по самому здоровенному «янычару» Гаджиева торнадо — кик-удар ногой в прыжке с вращением на 360 градусов, то все остальные, увидев, как рухнул великан, просто струсили.

«Мушкетёры» так бесстрашно бросились на самонадеянных пришельцев, что те вместе со своим боссом, поддерживая шатающегося здоровяка, выползли из бытовки и с невразумительной матерной бранью потащились к машине. Дойдя до «БМВ», они, толкая друг друга, ругаясь, стали набиваться в кабину и сразу уехали.

Всё произошло так быстро, так показательно, что присутствующие при этой сцене вначале онемели от неожиданности, а следом устроили своим товарищам овации. Никто не ожидал, что буквально в несколько минут охрана так профессионально разделается с гаджиевскими налётчиками. Выразительнее всего оценила случившееся Аня: на виду у всех присутствующих закатила Семёну умопомрачительный поцелуй.

Знакомясь с жителями посёлка, Прохор проходил от дома к дому, от квартиры к квартире. Но в какой-то момент он начал чувствовать к себе недоверие и даже враждебность. Было ощущение, что кто-то исподтишка настраивает людей против него и распространяет о нём заведомую ложь. Легче всего было подумать на Гаджиева, но скорее всего это недоброжелательство распространялось кем-то из местных. Намекали, будто Прохор — пьющий человек, но, главное, связался «с гаремом чокнутых московских распутников», таскающих в Кремнёвку любовников. А однажды неподалёку от школы, в районе красных кирпичных домов, построенных в своё время для элиты совхоза, на него налетела незнакомая жительница этого квартала. Она не постеснялась — на глазах у прохожих устроила «спектакль», кричала, чтобы

все слышали: «...Волков, что ты всё ходишь, как голь-моль перекатная? Пользы от тебя — ноль, а скандалов по всему посёлку не оберёшься! Без тебя жили здесь нормально, а появился ты — костлявая рука, и посёлок жужжит как улей».

Обиднее всего Прохору было услышать последние слова. Слёзы накатили, он еле сдержался и быстро пошёл прочь. Весь день его трясло от этого плевка в душу. Он был настолько поражён, что на время перестал встречаться с людьми. Но Виктор Георгиевич был начеку, он и привёл к нему женщину из дома, где жила «налётчица», устроившая Прохору выволочку. Эта женщина по секрету сообщила ему, что к Крышкиной, бывшей заведующей столовой совхоза, приходили люди Гаджиева и дали ей денег для соответствующей компрометации Волкова. И в добавление ставленница Виктора Георгиевича сообщила: за последнее время распространяются сплетни не только о Волкове, но и о руководителе Тараскова — Корольковой. Красивой семейной женщине приписали любовную связь со своим молодым водителем.

Обстоятельно всё взвесив, Прохор принял решение встретиться с Корольковой и предложить ей единым фронтом бороться с Шахом. В конце рабочей недели, закрывшись вдвоём в кабинете, они целых два часа спорили о будущем посёлка. Но когда Прохор выложил Корольковой план строительства профилактория и, возможно, спортивного комплекса, разговор повернулся в нужную сторону. Идею поехать на карьер к предпринимателю Верзину и посоветоваться о необходимых инвестициях Королькова, бывший про-раб строительной организации, приняла охотно. Когда Иван Петрович от Прохора узнал, что руководитель Тараскова — а он считал её ни рыбой ни мясом — готова сотрудничать в строительстве профилактория, так загорелся, что согласился подумать и об инвестициях в спортивный комплекс.

По дороге к Верзину Прохор невольно обратил внимание на отношения Корольковой к своему молодому водителю, симпатичному парню атлетического склада. Когда заговорили о возможности строительства спортивного комплекса, Королькова кивнула в сторону водителя и, не скрывая радости, сказала.

— Я туда его назначу, — она хлопнула ему по плечу и добавила, — он ведь мастер спорта, когда выступал за область по гимнастике. Чего только бабы о нас не сочиняют, а ведь он сын моей умершей сестры, племянник, которого я с детства воспитываю. Пока не узнала, что про меня говорят, и не думала, что так интересно живу.

Верзин принял Королькову радушно, он был сама учтивость и внимание. Оказывается, у него сохранились чертежи и документация профилактория, когда-то предлагавшиеся бывшей руководительнице посёлка Тарасково по фамилии Шарикова.

— Поступила она со мной по-шариковски, — комментировал он свои усилия, приложенные, чтобы уговорить поселкового руководителя построить профилакторий, — даже на взятку не отреагировала. Отличалась она от Полиграфа Полиграфовича Шарикова из «Собачьего сердца» Булгакова только тем, что она женщина и боязнью сделать хоть какое-либо вразумительное движение, чтобы не потерять работу. Но даже этого оказалось недостаточно, ибо работу она в конце концов потеряла.

Королькова не отреагировала на такую оценку предшественницы, поскольку знала её с лучшей стороны, но по чертежам и по всему плану строительства профилактория сделала ряд конкретных замечаний. Верзин занёс в блокнот все предложения Корольковой и пообещал в короткий срок сделать новые чертежи и социально-финансовое обоснование строительства профилактория. Что касается спортивного комплекса, он прямо сказал:

— Утвердите профилакторий, помогу построить спортивный комплекс. Я из тех, кто ответственный бизнес приветствует. Вон они, — он указал в сторону Прохора, — запретили мне гнать песок по их дороге, так я поехал в обход, потерял немало денег, а себе сказал: «Заработать — хорошо, но сберечь лицо важнее». Прощаясь с Прохором, Верзин, зная, что он выдвинут в депутаты, пообещал помочь ему с рекламой.

Время неумолимо шло к выборам. Волков по-прежнему старался больше общаться с людьми, нередко помогал в ремонте машин и техники, даже в составлении нужных документов, стал бывать на собраниях, активно выступал на таких

встречах. Верзин, прочитав статью о Волкове в газете, предложил накануне единого дня голосования устроить ему выступление на телевидении. На канале «Россия» у него были связи, и ровно перед выборами показали сюжет о кандидате в депутаты Прохоре Волкове из посёлка Тарасково. Резонанс оказался сильным, все поздравляли Прохора, сулили победу.

Действительно, к сентябрю всё стало складываться вокруг Волкова благоприятно. Он немало сил отдал товариществу, и наконец появилась от-дача.

Во-первых, все без исключения посадки стали давать урожай. Пошли огурцы, помидоры, ранний редис, лук и петрушка. Кудрявцева, продавшая им два участка, увидев немалый урожай соседей, подбила клинья к Елене и предложила место на каширском рынке, где она издавна торговала своим товаром. Многие кремнёвцы, которые не хотели вести собственное хозяйство, повадились приезжать в «ЗАРЮ» и покупать у Елены свежие овощи и недорогую картошку. В целом жизнь товарищества стала организованнее и интереснее. Родители всё чаще привозили с собой детей, для них сделали небольшое футбольное поле, поставили баскетбольный щит с кольцом. Купание в реке обеспечил Семён, построив красивую лестницу, спускавшуюся прямо к воде.

Наконец стали сбываться главные идеи товарищества «ЗАРЯ»: люди начали проводить время в сельской местности. С семьей. Трудились вместе со своими детьми. Крестьянский труд сплавивал их, и был он намного легче и интереснее, чем у наших предков, благодаря развитым современным технологиям. Члены товарищества стали сами производить экологически чистые продукты и по-соседски обменивались ими между собой.

Своими глазами Прохор увидел, как детство вернулось в деревню. Дети из обузы стали желанными помощниками, увеличивающими богатство семьи. Возрастала даже рождаемость: Елена и Аня ждали первенцев. Отношение к беременным женщинам было исключительным, все понимали, что демографическое пополнение — лучший признак налаженной жизни.

Товарищество «ЗАРЯ» превратилось в явно успешное начинание, к людям стали возвращаться такие человеческие черты, как доверие, совесть

и справедливость, терпение и благоразумие. Стало радостно жить в такой атмосфере, и особенно ценно было то, что бывшие солдаты нашли здесь своё место. Прохор был убеждён, что многие вернувшиеся, как и он, с фронта могли бы найти в таком труде своё предназначение. Он знал по своему опыту и опыту друзей, что надо уже сегодня готовиться к приёму парней. Возвратившись домой, они должны почувствовать настоящую заботу о себе, а не приходить в местное МФЦ и попрошайничать.

Сразу по возвращении надо узнать, что человеку нужно, чем он хочет заняться, требуется ли помощь семье... В этом случае ему захочется жить и работать, он не станет озлобляться. А что, если этой адаптации не будет и такой солдат почувствует унижение? Он — на случай, если имеет травмированную войной психику и пару, к примеру, автоматов и гранат — просто закричит: «Да гори оно всё синим пламенем!» И начнёт палить. А бабахать будет реально! Прохор верил, что одним из выходов для тех, кто вернётся с фронта, будет работа на земле.

С другой стороны, он видел, сколько ещё заброшенной, пустующей, «проплакавшей глаза» земли ждёт заботливых рук, которые могли бы спасти её от запустения и гибели. Ему казалось, что победа принесёт подлинную свободу и новые знания о самих себе. Он был убеждён, что чем больше человек знает, тем шире у него будет выбор, и формирование его пойдёт в нужном направлении.

Ему показалось символичным, что появились идеи, отражающие и его мысли. На одну выдержку из статьи видного учёного он обратил особое внимание: «Как известно, — писал автор, — у нас в России по Конституции идеологии нет. Убеждён, что настало время иметь свою новую гуманную государственную идеологию, обеспечивающую развитие русского человека, русского великоросса, русского татарина, русского еврея, русского белоруса, русского чукчи. Нам нужно её принять и продвигать, потому что кому-то могут очень не нравиться все эти требования о социальной справедливости и восстановлении силы Закона в нашей стране.

Надо «Знать, как «Отче наш», что русский народ, именно государствообразующий русский на-

род (!), никогда не забудет и до скончания веков не простит нашим раскормленным нуворишам даже не само по себе их безмерное и бессмысленное в своей сути самодовлеющее богатство («пусть они им подавятся!»), а ту атмосферу, которую они создали при своём личном обогащении — атмосферу ажиотажного безумия, хищной алчности и глумливой бесчеловечности, полностью растоптавших веру в Бога, вековые моральные и нравственные ценности и здравомысленное чувство самосохранения. И именно эти былые: политико-экономический хаос и попирающий моральные и нравственные законы беспредел — будут «пеплом Клааса» стучать в сердце каждого русского человека, подобно Тиллю Уленшпигелю из «Легенды» Шарля де Костера. Стучать до той самой поры, пока в России будет сохраняться хотя бы малейший след этого олигархического алчного безумия».

Прохор был уверен, что чем больше у человека возможностей сопротивляться навязываемым ему решениям, тем больше у него возможности убедить людей в правильности своих решений, тем больше вероятность того, что люди позволят ему действовать в соответствии со своими убеждениями.

Он увидел, как эти принципы начали срабатывать на деле в повседневной жизни товарищества, как они стали привлекать новых единомышленников. Он понимал, что товарищество в короткое время стало частью и его жизни. Вот с такими мыслями и настроением кандидат в депутаты Волков подходил ко дню единого голосования.

Центризбирком города Каширы установил 10 сентября датой выборов разных уровней. В воскресенье с восьми утра начались муниципальные выборы в Тараскове. Около клуба было множество призывных лозунгов и транспарантов. Баннеры кандидатов Яковлева и Волкова расположили непосредственно перед входом в клуб, местный диджей раздухарился и прямо с утра врубил гремющую музыку на все вкусы. Нарядно одетые работницы поселкового управления под руководством Корольковой тут и там сновали по посёлку, встречали голосующих и направляли их к установленным в клубе урнам.

Первым из кандидатов приехал и проголосовал Яковлев. После небольшой фотосессии его

на машине Корольковой отвезли домой. Прохор приехал к десяти утра на «Ситроене» с Лизой, которая, будучи москвичкой, не голосовала, но сопровождала мужа. Встретили его шумно, многие здоровались с ним за руку, похлопывали по плечу, рассматривали его машину и сидевшую в ней Лизу.

Королькова сопровождала Волкова, когда из клуба вышел с женщиной — видимо, с женой, Гаджиев. Увидев Волкова под ручку с Корольковой, он изменился в лице, краска прилила к его физиономии, и, сделав свой «удушающий», вызывающий оторопь жест, Гаджиев указал рукой на портрет Яковлева, дав понять Волкову, за кого он отдал свой голос. Увидев это, Королькова мягко сжала Прохору руку, мол, не обращайтесь внимания, и сопровождала его прямо до кабины для голосования. Затем, подождав, на выходе шепнула: «После восьми вечера я вам позвоню».

Перейдя дорогу, Прохор увидел, что в его машине находится директор школы, с которой он неоднократно встречался, когда делал обход организаций, обязанных принимать участие в выборах. Ему понравился педагогический состав школы и её директор — Астафьева Людмила Фёдоровна — красивая женщина с седыми прядями, обрамляющими моложавое и умное лицо, пользующаяся громадным авторитетом в посёлке как преподаватель истории. Увидев Прохора, она вышла из машины и извиняющимся тоном стала объяснять:

— Вот, приглашаю вашу жену работать у нас в школе. Учительница младших классов ушла в декрет, и первоклассники оказались «сиротками». Мы обменялись телефонами. Если Елизавета Александровна надумает, милости прошу.

Прохор поблагодарил за приглашение и поздравил Лизу с такой удачей.

Не заезжая к себе, они сразу направились в товарищество. Здесь всё было готово к торжеству. Прямо под открытым небом был накрыт длинный стол, сделанный для семейных банкетов. Из Кашеры по случаю выборов Тимур привёз полтушки баранины, которую тут же принялись готовить на костре, стол ломился от сезонных овощных деликатесов, в центре на подносе краснела клубника, красивым соколом был нарезан ананас, в широком ассортименте были консервированные

соления и разные мясные закуски, приготовленные Еленой, Аней и Мариной Львовной.

Чтобы придать застолью торжественность, Дима-баритон врубил гимн России. Все стали поздравлять Прохора и желать ему победы на выборах. Слово «наш депутат» было у всех на устах. К счастью, застолье в товариществе давно уже не превращалось, как в первые дни, в шумную гулянку. Сейчас выпивали, чтобы людям становилось интереснее, звучали тосты и здравицы, стало привычным вместе петь и танцевать. В удобный момент Елена попросила слово и сообщила, что она к сегодняшнему торжеству написала стихи. Кирилл потребовал тишины, уверенно заявив, что жена написала шедевр.

*Каждый день можем мы говорить без причины,
Как нужны и важны в нашей жизни мужчины!
Мы вас любим и ценим, здоровья желаем
И сегодня, как водится, всех поздравляем!
Депутат, врач, солдат, ткач, танцор суперловкий,
Вы умеете враз разрядить обстановку,
Успокоить наш пыл, если вдруг горячо,
Руку вовремя дать и подставить плечо!
Вы подключите воду, тепло или свет,
Чтоб работать могли мы без горя и бед,
И компьютеры все вы настроите враз,
Чтобы Гугл работал ну просто на раз!
Вы красивы в работе. Устали когда,
Вас в любых начинаньях поддержим всегда!
Пусть царит в вашем доме любовь и покой!
Пусть все беды его обойдут стороной!*

Когда Елена закончила читать, все зааплодировали и посмотрели на Прохора, помалкивавшего весь вечер. В последнее время ему пришлось много выступать, доводилось повторяться, а иногда отмалкиваться, чтобы не лукавить и не говорить общие слова. Но здесь сидели его самые близкие друзья, они ждали его слова, и видно было, что они к нему относятся сердечно и уважительно.

— Дорогие мои друзья, — начал он, — во-первых и прежде всего, спасибо вам за поддержку, внимание и доброту. Много, что я услышал в мой адрес, — преувеличение. Я проще и наивней, чем вы меня представляете. Я не напишу таких стихов, как Елена, никогда не был таким бойцом, как мой друг Семён, я го-

раздо хуже пою, чем Дима-баритон, но я благодаря вам научился любить наш дом, наш общий труд, ценить нашу дружбу и единство.

Мы вместе прошли нелёгкую дорогу. Нас хотели сжечь, выгнать отсюда, мечтали поссорить, но ничего не получилось. Мы выстояли. Мы как никогда дружны, мало того, скоро у нас будут дети, зачатые на этой кремнёвской земле. Я предлагаю выпить за нас, за нашу крепкую дружбу, за здоровье каждого, и чтобы у нас было хорошее завтра...

В этот момент Кирилл крикнул:

— И чтобы завтра у нас был свой депутат!

На этих словах у Прохора зазвонил мобильный. Это была Королькова.

— Прохор Иванович, — громко раздался её голос, — поздравляю, вы победили! Восемьдесят два процента жителей Тараскова проголосовали за вас.

Это «за вас!» так громко прозвучало из телефона, что за столом все вскочили с мест и закричали:

— Ура!!!

* * *

Следующая неделя была неделей испытаний на прочность Корольковой. Надо сказать, что Верзин её не подвёл, прекрасно сделанные на ватмане чертежи профилактория он привёз лично и пообещал быть на собрании в четверг.

К этому собранию готовились все. Были оповещены жители Тараскова, пригласили Тартарова из городской администрации, приехала из Москвы представительница федерального агентства по образованию, руководящая деятельностью профилакториев и представляющая подведомственное учреждение Рособразования. Про собрание в четверг знали и Гаджиев, и Волков. К этому времени в посёлке вошла в обиход поговорка: «Волков и Гаджиев сучком в глазу друг у друга торчат».

В клубе набилось большинство активных тарасковцев и тех, кто ждал каких-нибудь сенсаций и столкновений. Многие слышали о каком-то письме в защиту Корольковой, где было изложено негативное отношение к тому, чтобы следующим руководителем Тараскова был Гаджиев.

Даже дети — главный «показатель» поселковой интриги — прослышав о собрании, толкались около клуба, разглядывая тех, кто пришёл и кто с кем будет ругаться. Сцена была украшена цветами, размещёнными в трёх вазах, стоящих на красной скатерти, окаймлённой жёлтой кромкой с висюльками. На большой демонстрационной доске цветными кнопками были прикреплены чертежи будущего профилактория, сбоку крупно была выписана смета.

Зал к началу собрания был переполнен. В первом ряду посадили Тартарова, через человека от него сидел Михаил Яковлев, конкурент Волкова на выборах, а рядом с ним — Гаджиев, всячески обхаживающий проигравшего кандидата в депутаты. Рядом с представительницей из Москвы пристроился Верзин, развлекающий гостей, от доклада которой в Москве многое зависело.

Как ни приглашала Королькова депутата Волкова занять место в президиуме, он отказался и расположился в середине зала, среди своих. Для подкрепления, в случае провокации, он пригласил Семёна и Кирилла, рядом сидели директор школы Астафьева и староста Кремнёвки Козлов.

К началу собрания атмосфера в зале накалилась до предела, все ждали, «сдаст или не сдаст экзамен» Королькова. А вдруг её дни как руководителя сочтены?.. Было заметно, что начальница очень возбуждена, и тем не менее собрание она повела умело и энергично. Выглядела Королькова превосходно. На ней был костюм-тройка зелёного цвета, черты лица хорошо подчёркивали красивые, в тон костюму серьги, а высокие каблукы делали её фигуру, чуть располневшую с возрастом, стройной и привлекательной.

Отчётный доклад с цифрами и достижениями зал слушал внимательно и нередко сопровождал аплодисментами. Когда вопрос коснулся будущего Тараскова, из зала начали звучать разные реплики и пожелания. Королькова быстро сменила тему и сообщила, что у посёлка появился инвестор. Она громко представила Ивана Петровича Верзина, который на раздавшиеся аплодисменты встал и раскланялся во все стороны.

При всём стремлении Ивана Петровича к справедливости была в нём тяга к броским поступкам, к тому же вел он себя в стиле «своего парня». Однако Волков, не отличающийся ничем от «сред-

него» москвича, ещё при первой встрече заметил в Верзине какое-то обаяние провинциального человека. Виктор Георгиевич, хорошо знавший местную мафию, рассказал ему, что Верзин на самом деле выходец из Якутии и там он многие годы занимался строительным бизнесом.

Перебравшись в Москву, сумел понравиться старику Ресину из московской мэрии, который познакомил его с Батуриной, а дальше «якутский самоцвет» всеми правдами и неправдами захватил песчаный карьер, где песчинки, соль земли русской, стали служить ему, сделав его миллионером. Тем не менее та уверенность, с которой он пробивал свой бизнес, та бесцеремонность, с какой он афишировал себя, производили впечатление.

Вот и сегодня в доказательство того, что теперь в Тараскове он неслучайный человек, Верзин неожиданно подошёл к столу президиума, пожал Корольковой руку и ещё раз под бурные аплодисменты раскланялся с залом.

— Теперь, дорогие товарищи, — продолжила Королькова, — я хочу обратить ваше внимание на эти чертежи. Это чертежи нашего санатория-профилактория. До сегодняшнего дня у нас в Тараскове, кроме амбулатории, медицинских учреждений не было. Руководством посёлка предлагается вот такой профилакторий.

Она направила указку на демонстрационную доску и продолжила:

— Вы спросите меня, дорогие товарищи, что же это за учреждение? Основными задачами профилактория являются лечение различных заболеваний, оказание лечебно-профилактической помощи, а в случае необходимости — консультативно-диагностической поддержки, которую все вы до сих пор получали, толкаясь в очереди в Кашире. В профилактории также будет работать курс укрепления здоровья как для взрослых, так и для детей, начнёт функционировать программа, сочетающая отдых и труд. Для приверженцев горячительных напитков откроется лечение от зависимости — как мужской, так и женской, будет обеспечено рациональное и диетическое питание.

Что касается организационно-правового статуса нашего профилактория — он станет образовательным подразделением федерального

учреждения Рособразования и будет действовать совместно с нашей школой, руководимой многие годы Астафьевой Людмилой Фёдоровной.

Королькова сделала небольшую паузу и продолжила:

— Товарищи, поскольку отчётный доклад вы прослушали, теперь мы переходим к обсуждению вопросов строительства тарасковского профилактория. Слово предоставляется директору нашей школы Людмиле Фёдоровне Астафьевой. Пожалуйста!

— Стоп, стоп, стоп, — раздался с первого ряда голос Гаджиева. — Как говорят на Востоке: «Терпение одолеет все дела, а спешка лишь к беде всегда вела». Вы, уважаемая, — он указал в сторону Корольковой, — так быстро проскочили отчётный доклад, что запомнилось только то, где ваша работа — с плюсом, а вот о том, что с минусом, — остаётся догадываться. А между прочим, следовало бы указать тех, кто по-настоящему уважает жителей Тараскова, кто по первому зову помогает посёлку, кто истинные, а не случайные инвесторы. Следовало бы вспомнить тех вкладчиков, кто участвовал, положим, в ремонте дороги, которой сейчас пользуются все: и дачники, и жители Тараскова. Можно было вспомнить в докладе, что деньги на эту дорогу выделил инвестор, — Гаджиев достал из кармана бумагу и, показав её залу, продолжил, — которого почему-то уважаемый докладчик даже не упомянул. Отчего-то госпожа Королькова об оборудованном для школы компьютерном классе на двадцать мест тоже не сказала.

Как говорил Омар Хайям: «Кому-то мелочь дашь, навек запомнит... Кому-то жизнь отдашь, а он и не поймёт». А взамен благодарности за всё сделанное руководству города Каширы кем-то из местной мафии послано клеветническое письмо с подписями, направленное против честного и давно живущего здесь предпринимателя Гаджиева, который якобы рвётся к власти в посёлке Тарасково.

Даже о таком святом деле, как открытие памятной плиты, посвящённой бывшему руководителю совхоза-миллионера Гаспаряну, уважаемый докладчик тоже не вспомнил. Королькова не сказала об этом не потому, что плиту украли, выбросили в реку, а потому, что

говорить об этом себе дороже, поскольку эта акция вандализма была организована тогда кандидатом в депутаты, а ныне депутатом Волковым вместе с подельником по организации профилактория песочным предпринимателем Верзиным. Об этом дельце мой кавказский друг-поэт сказал:

*Кручусь, верчусь, хитрю, ловчу,
Когда вдруг уличён, — шучу,
Я изворотлив, словно уж,
Лишь «бабки» делать я хочу.*

Зачем вы вводите людей в искушение, господин Верзин? Вы знаете, сколько денег надо на этот профилакторий? Ни один серьёзный инвестор не вложит двадцать миллионов в строительство профилактория в посёлке на две с половиной тысячи человек. Такая затея никогда не окупится. Поэтому я заранее говорю: вы, товарищ Верзин, занимаетесь здесь очковтирательством и жульничеством.

В зале наступила гробовая тишина, а потом раздалась аплодисменты группы людей, сидящих справа от сцены. Гаджиев поднял руку и резким движением остановил их.

— А этому, — Гаджиев указал рукой в сторону сидящего в зале Волкова, — с позволения сказать, депутату, я отвечу опять-таки восточной мудростью: «Только терпеливый закончит дело, а торопливый упадёт».

Гаджиев снова показал свой знаменитый «удушающий» жест руками, и зал взорвался криками, перебранкой и даже смехом.

Первым отреагировал Верзин. Вначале он поднял руку, но, видя, что никто не обращает на него внимания, вскочил, замахал обеими руками и стал требовать слова. Королькова, с трудом успокоив зал, предложила ему выступить.

— Товарищи, поскольку в адрес меня и моего, как выразились, подельника, — уважаемого человека, депутата, солдата, прошедшего специальную военную операцию, высказаны такие дикие обвинения, позвольте мне ответить.

— Давай, давай, ответь ему! — раздался чей-то голос, и тотчас зал зашумел, слышны были разные возгласы, чей-то мужской голос громко выкрикнул:

— Гаджиев, это тебе не времена Черкизовско-го рынка, здесь Тарасково, и мы сами разберёмся, кто очковтиратель, а кто в ханы метит.

— Я хотел сохранить мудрое молчание, — продолжил Иван Петрович, — но господин Гаджиев пустил в меня сто стрел, и я отвечаю ему только не восточной мудростью, а русской: «Чтобы обрести врагов, не спешите объявлять войну, достаточно просто начать говорить правду». А правда состоит в том, что у руководителя посёлка Тарасково есть договор...

— Он у меня здесь, — подала голос Королькова и, вытащив из папки лист бумаги, показала его залу и передала Верзину.

Тот поднял высоко руку с договором и сообщил:

— Это договор на строительство профилактория между посёлком Колтовского района Тарасково и фирмой «Приокский старт», утверждённый Федеральным государственным бюджетным учреждением «Канал им. Москвы». Договор на двадцать миллионов рублей с учётом возможных доплат по ходу строительства. Вот моя подпись: «Верзин», а вот подпись Корольковой.

Иван Петрович прошёл по первому ряду к Гаджиеву и поднёс бумаги прямо к его глазам.

— Не знаю, есть ли у вас в запасе восточная мудрость для извинений, господин Гаджиев, но ваши выпады заслуживают серьёзной отповеди. Вы, батенька, как говорил Ленин, шарлатан. Шарлатаны всегда суетливы, шумят больше всех, а наивные люди принимают это за энергию. Хорошо, что здесь нет молодых парней, ушедших на фронт из посёлка, а то вам стало бы не по себе от их оценки. Но и Волкова мы в обиду не дадим. Кстати, если бы не его инициатива как депутата, меня бы здесь не было, и профилактория тоже. Не так ли, госпожа Королькова?

— Да, — громко ответила из президиума Королькова, — именно Прохор Иванович предложил идею строительства профилактория.

— Пусть сам Волков скажет, — раздался женский голос, — на нашего депутата льют, можно сказать, говно, а он отсиживается.

И вдруг зал вначале тихо, потом все громче стал скандировать:

— Волков! Волков! Волков!

Волков прошёл к сцене, встал за трибуну и достал из внутреннего кармана листок бумаги с какими-то пометками.

— Я предчувствовал, что собрание будет эмоциональным и шумным. Не знаю, как вам, но мне доклад понравился, достижения, я считаю, показаны, недостатки в работе отмечены, даже вопрос с профилакторием ясен, деньги на него перечислены. Иван Петрович Верзин показал договор. На самом деле всё сегодня упирается в простой вопрос: кто в Тараскове будет начальником? Или Надежда Петровна Королькова продолжит руководить посёлком, или её сменит Шахин Юсуфович Гаджиев, которого хочет навязать нам каширское городское начальство. Если спросите меня, я за то, чтобы Королькова продолжала свою работу.

В зале раздались бурные аплодисменты и сразу затихли, как только Волков поднял руку. Заметно было, что он удостоился своего признания, его хотели слушать.

— Посёлку, на мой взгляд, нужна как руководитель Королькова, особенно в связи со строительством профилактория. Она по профессии строитель и в этом качестве будет очень полезна. А поскольку в планы Верзина входят инвестиции в строительство спортивного комплекса, то Королькова будет нужна вдвойне.

Снова в зале раздались аплодисменты, кто-то крикнул:

— Правильно, дело говоришь!

— Ну, раз по делу, добавлю ещё: господин Гаджиев упомянул о письме, которое было направлено в Каширу Тартарову, кстати, присутствующему на собрании, с требованием не назначать в посёлок руководителем Шахина Юсуфовича Гаджиева. Что можно сказать по этому поводу? Подобное требование абсолютно правомерно. Я, будучи тогда кандидатом в депутаты, подписал это письмо.

Поймите, это письмо не против Гаджиева как представителя Азербайджана. Наш конфликт носит местный характер, я не рассматриваю его как проблему межнационального столкновения, сумевшего в прошлом стать весомой частью развала СССР. Письмо не против дружбы народов. Всем известно, что между Баку и Москвой сейчас хорошие отношения, хотя азербайджанский пре-

зидент, говоря о Владимире Путине и Дмитрии Медведеве, как-то пошутил, что «две головы в одном котле не сварись».

Письмо направлено против предпринимателя Гаджиева, оно — свидетельство неприятия его личности в качестве возможного руководителя Тараскова. Не секрет, что отношение к человеку, тем более к руководителю, складывается из его поступков. Всем известно, что у меня украли дорогие деревообрабатывающие станки, взятые напрокат. Об этом хорошо знали в нашем районе, я давал объявление о пропаже станков, многие слышали, что я уведомил об этом полицию. Но когда станки «случайно» оказались в мастерской Гаджиева, Шахин Юсуфович, как говорится, бровью не повёл.

— Я не знал, что это ваши станки! — выкрикнул с места Гаджиев.

— Хорошо, но вы могли бы поинтересоваться, как в собирающий лом «Металлосбор» попали исправные, очень дорогие станки. Далее вы их покупаете по цене лома, а когда они у вас исчезают, клянётесь, что станки дорогие и куплены вами за высокую цену. Но правда, о которой говорил Верзин, всплыла, станки вернулись к хозяину — Козлову Виктору Георгиевичу, старосте деревни Кремнёвки.

В зале раздались аплодисменты, Волков поднял руку и снова попросил тишины.

— Но, как говорят в таких случаях в народе, «осадочек остался». Всем известно о нападении людей из пилорамы на товарищество «ЗАРЯ». Вы знаете, что двое граждан Таджикистана депортированы на родину. Возникает простой вопрос, какое дело пилораме до нашего товарищества «ЗАРЯ», что такого непозволительного оно сделало Гаджиеву? Тем не менее он подговаривает работников пилорамы стереть с лица земли посадки и теплицы этой компании.

Товарищество пишет жалобу в прокуратуру и в администрацию города. С трудом устанавливаются лица, причастные к этому преступлению, но то, что Гаджиев был зачинщиком этого нападения, почему-то не установлено.

— Ложь! — неистово закричал Гаджиев. — Наглая ложь! Прокуратура вам ясно дала понять — у вас нет доказательств! Вы ещё ответите за эти слова!

Как по команде, его группа, сидящая справа от выступающего Волкова, засвистела, начала стучать ногами и выкрикивать непристойности.

— Доказательства есть! Прошу тишины, вы сейчас их услышите.

Прохор неслучайно взял с собой Кирилла и Семёна, ещё до начала собрания они уговорили местного парня — диджея, работающего в радиорубке, переписать запись с «прослушки» на компьютер и дать её через динамики во время выступления Волкова. В абсолютной тишине вдруг раздался характерный голос Гаджиева: «Надо немедленно снести это «московское княжество» рядом с Кремнёвкой ... У нас в округе своего дачного дерьма хватает, чтобы ещё плодить здесь эту гоп-компанию. Коммунизм они здесь, видите ли, решили строить. У них там дедка — на репку, бабка — на дедку, внучка — на бабку, жучка — на внучку — в результате оргия. Это Волков, сухорукый комиссар, с дружками их поддерживает, но и с ним мы в своё время разберёмся».

«Так, может, поджечь всю эту «контору?» — раздался другой голос с подобострастием и с большим акцентом. — Трава с той стороны сухая, вспыхнет — и концов не найдёшь».

«А что, верно, спалите все эти «воздушные замки», пусть жалуются, кричат, никто их не держит, я за это отвечаю».

В зале наступила тишина, только слышно было, как за окном о чём-то спорят ребяташки. Запись произвела такое убийственное впечатление, что все присутствующие буквально онемели. В абсолютном безмолвии вдруг скрипнуло кресло, поднялась директор школы Астафьева и, не прося слова, прервала молчание:

— В Евангелии сказано: «Кто восстанет на помазанника, тот подлинно душою жидовин, независимо от того, какой он национальности». Сегодня мы все увидели, что представляет собой Шахин Юсуфович! Всё у него схвачено, всё у него оплачено, никого и ничего он не боится. Вы, Шахин Юсуфович, решили, что вы неприкасаемый, соль земли... В действительности же вы только кажетесь добрым и сердечным, на самом деле вы — лицемер!

По залу пронёсся шепоток, шуршание, кто-то тяжело вздохнул, в конце зала кто-то захлопал. Астафьева окинула взглядом лица людей и,

повернувшись в сторону Гаджиева, продолжила:

— От людей, господин Гаджиев, трудно что-либо утаить, можно перехитрить одного, но нельзя перехитрить всех. Вы ведь и детей наших в школе обманули.

Гаджиев резко повернулся в сторону Астафьевой и пристально уставился на неё широко раскрытыми от удивления глазами.

— Да-да, не смотрите на меня так, обманули! Говорили, что купленные двадцать компьютеров — новые, а мои ребята нашли маркер, что они из института Губкина. Купили вы их за полцены, и они постоянно ломаются по причине изношенности. Я до сих пор об этом молчала. Но услышала о вас «правду», и теперь у меня нет больше сил это терпеть. <...>

— Неблагодарная баба! — крикнул Гаджиев и, вскочив с места, пошёл по проходу к выходной двери, выкрикивая: — Ноги моей здесь больше не будет! Ни одной копейки не дам!

За ним, не говоря ни слова, кинулась его группа. Зал молчал, словно правдой можно отравиться.

На следующий день, в пятницу, Тартаров после доклада руководству города Кашира о собрании в Тараскове сообщил Корольковой, что она вновь назначена на должность руководителя.

* * *

В субботу Волков с Лизой выполнили просьбу Елены и съездили на оптовый рынок в Каширу за провизией для товарищества. Доставив продовольствие Елене и разгрузив продукты, купленные для себя, Прохор отвёз «Ситроен» в гараж Нины-химика. Для своих нужд он по-прежнему пользовался мотоциклом. Всю вторую половину субботы они провели вместе. Учёба на заочном отделении потребовала от Лизы другого способа подготовки: пришлось больше писать, готовить разные доклады на семинары, меньше бывать в Москве и больше — рядом с мужем. Тем временем Прохор занялся строительством. Верзин, узнав, что Волков хочет открыть автомастерскую, подбросил ему песка, щебня и цемента, а Виктор Георгиевич по старой дружбе на время одолжил ему бетономешалку. Прохор не отказал-

ся от своей мечты и строил фундамент будущей автомастерской.

В воскресенье Прохор проснулся рано. В последнее время он принялся вести дневник: у депутата много обязанностей и наказов, надо было поставить все их в ряд и выполнять. Он устроился на втором этаже, придвинул к себе журнальный столик и, работая в тишине, наслаждался пейзажем за окнами.

Вдруг снизу раздался взволнованный крик Лизы:

— Прохор, ты здесь? — она прибежала на второй этаж с телефоном.

— Прохор, звонит Людмила Фёдоровна, директор школы! У неё там что-то случилось! Какие-то бандиты... Просит помочь!

Услышав голос Прохора, Людмила Фёдоровна стала громко кричать:

— Помогите, помогите, Прохор!!! — взволнованно повторяла она. — В школу приехали люди Гаджиева, заставили сторожа открыть двери, ворвались в компьютерный класс и стали забирать компьютеры, врут, что для ремонта. Отламывают их прямо от столов, рвут проводку. Сторож позвонил мне, я прибежала, стала их выгонять, но меня силой заперли в кабинете. Прохор Иванович, спасите, это разбой и издевательство над школьниками.

— Где вы сейчас? — спросил Прохор.

— В кабинете, я отсюда вам звоню.

— Звоните в полицию, звоните Корольковой, я сейчас же выезжаю.

Он сбежал вниз, быстро оделся и, крикнув Лизе: «Я — в школу!» — погнал на мотоцикле в Тарасково. Астафьева так громко кричала по телефону, что люди Гаджиева всё слышали. Один из главарей налётчиков позвонил Гаджиеву и сообщил, что директриса вызвала «сухорукого» и тот едет в школу.

— Шеф, что делать, он же депутат?

— Надо его остановить! Дай команду Нурлану, он знает, что делать.

Вскоре одна из машин, подъехавших к школе, развернулась и на большой скорости поехала в сторону Кремнёвки. Не доезжая поворота от Кремнёвки к Тараскову, Нурлан, отвратительного вида «красавчик», с ехидной торжествующей улыбкой достал из багажника снайперскую

винтовку, быстро её проверил и залёг у правого переднего колеса машины. До поворота было метров восемьсот, видимость была отличная. Попасть в колесо машины с этого места было трудно.

Стрелок внимательно смотрел на дорогу и ждал, что появится «Ситроен», аварию для которого он за хорошие деньги взялся устроить и подробно обсудил это с Гаджиевым. Но тут из-за поворота вместо «Ситроена» выскочил мотоцикл «Ява», за рулем стрелок узнал Волкова. На секунду стрелок перепугался, мишень была в три раза меньше, но всё-таки прицелился и нажал курок. Прохор не слышал выстрела, но лязг металла долетел до него. Только он успел подумать, что какие-то гайки открутились у мотоцикла, как почувствовал сильный удар по ноге.

— Камень! — мелькнуло у него в голове, но онемевшая нога скользнула в сторону, он не удержал руль, и мотоцикл на большой скорости слетел с дороги, запрыгал по куче наваленной и неубранной после ремонта земли и врезался в скошенное поле кукурузы.

Прохор изо всех сил попытался подняться и посмотреть, кто стрелял, но белая машина уже дымилась далеко от этого места. Боль быстро пошла наверх, тело стало слабеть, а нога неметь. Он попробовал шевельнуть ею — не получилось. «Значит, задета кость», — подумал он и попробовал руками потянуться вперед. Всё было бесполезно, земля крошилась в ладони и не помогала. Она была тёплой, нагретой утренним солнцем, но беспомощной. Казалось, что земля плакала из-за того, что не может ему помочь.

Невольно Прохор вспомнил своё ранение там, под Авдеевкой, когда раненый бежал и эхо от взрывов догоняло его. Он попытался что-то крикнуть, но сам испугался своего голоса — его не было, он исчез. Неожиданно его рука нащупала корешок срезанной кукурузы, он схватился за него и подтянулся. Тело пошло вперёд, он нащупал другой корешок и снова продвинулся ближе к дороге. Так метр за метром, оставляя красную полосу крови, он добрался до наваленной у дороги твёрдой, как камень, засохшей земли. Этот отвал земли он преодолеть не мог. Тогда он стащил с себя белую рубашку и, высоко подняв руку, стал ею размахивать.

Сразу после отъезда Прохора Лиза на всякий случай позвонила Кириллу, сообщив, что в школе что-то случилось и муж поехал туда. Кирилл с Семёном, не теряя ни минуты, погнали в сторону Тараскова. Первыми заметили рубашу Прохора Марина Львовна и Сергей. В последнее время они каждое воскресенье ездили отдыхать в товарищество. Прижав «жигулёнка» к обочине, Сергей выскочил из машины, перепрыгнул земляной отвал и, подхватив терявшего сознание Прохора, стал вытаскивать его на дорогу. В этот момент появились ребята на «Ладе»-инвалидке. Втроем они перенесли Прохора к машине, Марина Львовна достала аварийную медсумку и быстро перевязала рану.

— Мы возвращаемся в Ступино, — скомандовала она, — у него, кажется, задета кость.

Через месяц после сложной операции Прохор вышел из больницы. За это время многое изменилось. На Гаджиева и стрелка Нурлана завели дело. Показания директора школы Астафьевой и сторожа были настолько неоспоримыми, что Гаджиеву грозил реальный срок. Иван Петрович Верзин, узнав причину конфликта, обеспечил школу новыми компьютерами, а Лиза, пережив все события, ждала ребёнка.

Приятной неожиданностью стала статья бывшего редактора «Каширского курьера». Была в ней мысль основоположников коммунизма: «... По мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом своей подлости». Далее автор в статье написал, что мысль эта «опровергается превосходным примером будущего, созданного товариществом «ЗАРЯ» в Колтовском районе, на берегу Беспутья».

Единственное, что напоминало о драме на дороге, — мотоцикл «Ява». Он стоял на приколе, Прохор больше ездить не мог.

Вскоре он подарил мотоцикл Семёну. Тот было стал возражать:

— Это же твоё, родное...

Прохор обнял Семёна и тихо сказал:

— Твоё то, что ты отдал другим.

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ —

прозаик, драматург, режиссер, заслуженный артист России. Окончил театральное училище им. Б. В. Щукина. Служил артистом Московского театра на Таганке. Возглавлял Академический театр им. М. Ю. Лермонтова в г. Алма-Ате. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького и ГИТИС.

Автор книг «Обреченная на жизнь», «Грабли для Сатрапа», «Грязь к алмазам не пристает», «Запрет на прозрение», «Кого отмечает Бог», «Воровская яма», «Триумф и наваждение», «Неубитый театр», «Внуки».

По роману «Семя отечества» вышел телесериал «Репортёры». Лауреат литературной премии «Имперская культура» (2017). За роман «Рокировка», признанный лучшим романом 2021 года, награжден премией журнала «Наш современник». Почетный председатель Московского отделения Петровской академии наук и искусств.

